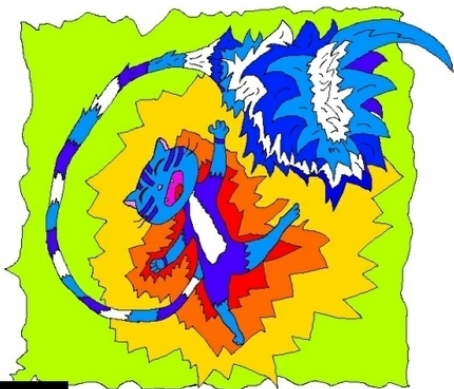

Эпизоды Фантастического Характера

том второй, последний
с комментариями Говарда Филлипса Лавкрафта

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Глеб Васильев

18+

Глеб Васильев

**Эпизоды Фантастического
Характера: том второй**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Васильев Г. А.

Эпизоды Фантастического Характера: том второй /
Г. А. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга – калейдоскоп фантастически смешных, страшных и странных историй. Действие эпизодов разворачивается везде и всегда – от мест, находящихся здесь и сейчас, до уголков, удаленных во времени и пространстве настолько, что по земным меркам и не скажешь, насколько. Второй том населен кибернетическими панками, астронавтками, бессмертными инженерами, зомби, а также поросятами и котиками. Комментарии к книге любезно составил один из главных мастеров фантастического слова - Говард Филлипс Лавкрафт. В оформлении обложки использовано изображение «Эпизоды Фантастического Характера 2». Автор Васильев Г. А. Содержит нецензурную брань.

Эпизоды Фантастического Характера

том второй, последний с комментариями Говарда Филлипса Лавкрафта

Предисловие от автора

Дорогой друг!

Если тебе посчастливилось ознакомиться с первым томом Эпизодов Фантастического Характера, который столь любезно снабдил своими комментариями один из величайших мастеров сказочного слова Ханс Кристиан Андерсен, то ты знаешь – Мир Фантастики поистине фантастичен и непредсказуем. Даже когда тебе кажется, что весь он на твоей ладони, что ты с ним нос к носу, он легко и изящно может самым неожиданным образом ухватить тебя за хвост. Точнее, за хвост твоего воображения. Конечно, если ты способен вообразить, будто бы у твоего воображения имеется такая любопытная анатомическая особенность, как хвост.

Если же первый том не удостоился твоего внимания – не беда. Второй и последний на текущий момент том Эпизодов Фантастического Характера уже оскалил хищные клыки, сощурил свои полыхающие огнем глаза с веретенообразными зрачками, ловит каждое твое движение и готов мертвой хваткой вцепиться в хвост твоего воображения или в то, что у твоего воображения вместо хвоста.

К сожалению, комментировать и, как он выразился, «даже взглядом притрагиваться к продолжению этой ужаснейшей и злонравнейшей книжицы – компиляции человеческого безумия и дурновкусия» Ханс Кристиан отказался. Признаться, такой поворот событий я поначалу принял близко к сердцу. Мне-то казалось, что мы с Андерсеном неплохо подружились. Впрочем, наверняка у него просто нашлись более важные и срочные дела, о которых он не захотел распространяться. А про «злонравную книжицу» Ханс Кристиан сказал лишь из вежливости, чтобы не оставлять меня в подвешенном состоянии и дать мне карт-бланш на поиски другого – менее занятого комментатора.

С радостью спешу сообщить, что мой поиск увенчался сокрушительным успехом. В качестве комментатора мне удалось заполучить настоящий бриллиант фантастической литературной сцены – Говарда Филлипса Лавкрафта! Вот уж кто знает толк в хитроумных ужасах и не станет сетовать на «человеческое безумие» выдуманных сюжетов. К тому же, создатель великого вечно зовущего Ктулху, Дагона и ночных мверзей с перепончатыми кожистыми крыльями едва ли будет тут и там к месту и не очень поминать Господа (ничего личного, Ханс Кристиан, но как по мне, то с этим ты палку явно перегнул).

Автору «Хребтов Безумия» и «Герберта Уэста – реаниматора» я доверяю полностью и безраздельно. Человек, ставший проводником, усилиями которого такая прелесть, как Некрономикон, попала в наш мир, решительно не может испортить что либо. На этом покончим с предисловием и перейдем к словам.

Итак, Герберт, тебе слово!

Здравствуйте. Хочу сразу уточнить, что когда говорю слово «здравствуйте», то и в мыслях не имею желать доброго здоровья никому из вас, а всего лишь соблюдаю правила приличия. На собственном опыте я не раз убедился, что правила приличия многократно важнее благих пожеланий. Все, чье благополучие меня беспокоило, умерли, не доставив мне удовольствия уйти первым, проведя жизнь в окружении близких людей. Не стану говорить о родителях, заботах о собственном физическом и ментальном здоровье не утруждавших. Но Роберт Говард, с которым мы были так дружны на протяжении почти полутора десятка

лет... Роберт, как ты мог так со мной поступить? Да что я – разве для того ты изваял могучего Конана из Кимерии, чтобы выстрелить в свою прекрасную голову из пистолета? Печально вышло... За то с правилами приличия все обстоит значительно лучше. Людей, их соблюдающих, гораздо проще терпеть – они не испражняются на улице, не пытаются вступить с тобой в сексуальный контакт помимо твоего желания и не стреляют из своих пистолетов в твою голову. Жутко вообразить мир, в котором не существовало бы правил приличия – голов на плечах не осталось бы решительно ни у кого – все они были бы отстрелены напрочь. Что касается времен и тяжелых времен, то, на мой взгляд, это абсолютно одно и то же. Тяжесть времени никак не зависит от того, в каком времени прошлого, настоящего или будущего это время находится – в любом случае оно едва выносимо. Однако в разрезе изобразительной литературы «Тяжелые времена» мне нравятся гораздо больше, чем просто «Времена». Хотя, я сам скорее прибеж бы к названию «Невыразимо опустошающе жутко тяжелые времена».

Ужас №1: Тяжелые времена

Палящее солнце Аризонской пустыни. Сколько ни крути головой – лишь песок, чахлые мескитовые деревца да чертовы кактусы. А посреди этого пекла я, Черная Смерть и Быстрая Смерть. Кажется, на всей земле никого кроме нас троих не осталось.

Я думал, мы обречены. Билл Мэттсон, мэр Тусона, оценил наши головы в три куска. По куску за голову, я так понимаю. Что ж, я, конечно, не Санденс Кит, а Черная Смерть и Быстрая Смерть не половинки Буча Кэсседи. Мы всего-то и натворили, что отправили Дикого Пса Хардинга на корм свиньям, да позабавились с его веселой вдовушкой. «Вы позволите, миссис Дикий Пес Хардинг? Или Дикая Сука Хардинг – как будет правильнее?» – говорил я, раздвигая ее жирные ляжки. И она выла, как выл сам Хардинг, пока Быстрый не заткнул его поганую глотку свинцом.

Скряга Билл Мэттсон явно пожадничал. Жаль тех ребят, которые рискнут к нам сунуться. Но, боюсь, таких ребят отыщется немало. Три куска, черт побери! Для такой дыры, как Тусон, это королевское вознаграждение. Дрянной городишко, дешевый, как последняя блохастая шляха в борделе. Хотя, еще недавно я бы самого дьявола выволок из Преисподней, пообещай мне такое богатство. Теперь же, как старый пердун, подсчитываю да прикидываю. И маловато кажется за такие шкуры, как наши. Жаль пули от этих шкур не отскакивают...

Надо было пристрелить треклятого шерифа Джека Стэпса, когда у нас была такая возможность. Но нет, я же, мать мою так, праведник. Не дал Быстрой Смерти устроить пальбу в церкви.

– Эй, Быстрый, – шепнул я ему, – сегодня же адово воскресенье. Подожди до завтра, и мы прикончим этого шакала хоть на рыночной площади.

Черная Смерть ждал нас возле церкви. Быстрая Смерть сказал ему, что я струсил.

– Малыш Джонни испугался? Ко-ко-ко, – насмешливо закудахтал Черная Смерть, – иди сюда, мой цыпленочек. Черная Смерть защитит тебя от злого шерифа.

Никто не смеет называть Джонни Смерть цыпленком! И Черный, и Быстрый знали, что я могу заставить их подавиться собственными словами. Но в тот раз я смолчал. Чувствовал, что парни правы – нельзя было упускать такой возможности. Шериф Стэпс сидел к нам спиной, заглушая своим храпом проповедь преподобного Грегори. Один выстрел Быстрого, и Стэпс был бы уже в аду. Готов поклясться, убей мы шерифа тогда, сейчас бы по три куска давали за каждого.

В понедельник. Проклятье! Я сказал Быстрому, что мы отдадим должок в понедельник. Странно, что тот понедельник не стал для нас последним. Быстрый меня разбудил, но необходимости в этом не было – чертовски сложно спать, когда по двери палят из дюжины стволов.

Дверь превратилась в труху и щепки, но нас в Тусоне уже не было. Мы гнали так, будто нам задницы подпалили, но я успел заметить бумажки с нашими рожами. Дьявол меня побери! Эти бумажки висели на каждом чертовом столбе, на стене каждого дома. Разыскиваются. Живыми или мертвыми. Похоже, вдовушка Хардинга наконец смогла свести ноги вместе и доковыляла до Стэпса.

Ну что, крошки? Пришло время поднимать задницы и сворачивать подстилки. Идите ко мне, старина Джонни Смерть со своими друзьями ждет вас. Мои парни, Черная Смерть и Быстрая Смерть, тоже не прочь повеселиться. И не надейтесь, что я забуду, как мы с Быстрым чуть ни в одних подштанниках на двоих выскочили в окно, когда вы палили по моей двери. А Черный после гонки три дня харкал кровью – я думал, он так легкие выхаркнет. Так идите сюда и не думайте, что мы побежим снова. Нет, мы не будем прятаться. Крутые времена, тяжелые времена. Нам с парнями дьявольски интересно, покажутся ли вам три дерьмовых куска в руках ублюдка Мэттсона такими уж лакомыми, когда вы сдохнете. И еще нам интересно, заплачут ли ангелы кровавыми слезами. Мой дед Ангус Смерть говорил: «когда винчестер ложится в руку Смерти, ангелы плачут, и кровь дождем льется с небес». Так он говорил. И я, Джонни Смерть, хочу посмотреть на это собственными глазами.

Так я думал тогда. Вот-вот на горизонте покажется облако пыли, затем черные точки всадников. Они не будут таиться. Их крики опередят коней. Мерзавцы думают заставить нас почувствовать вкус страха. Но их страх я чувую за много миль. Дерьмовую кучу миль, отделяющих нас от Тусона. Их страх воняет падалью.

Так я думал тогда, но солнце день за днем выжигало лишь пустоту вокруг нас, не причиняя вреда чахлой поросли и колючкам. Мы с ребятами бродили без цели, молча – открыть рот означало наестся песка, который ветер горстями швырял нам в лица. Моя шляпа превратилась в серое сито, а плащ однажды свалился с плеч изорванной половой тряпкой. Я посмотрел на парней – они выглядели не лучше.

Черная Смерть казался бледным призраком себя прежнего. Его смоляные волосы поредели и стали песочного цвета. Во взгляде больше не было той нестигаемой силы и жестокого упрямства, благодаря которым Черного прозвали Смертью. Походка изменилась до неузнаваемости. Черный спотыкался и прихрамывал, казалось, каждый шаг может стать последним. Если он упадет. Но Черная Смерть не падал. Даже в суровые времена он оставался Черной Смертью.

Быстрая Смерть, всегда ухоженный, аккуратный до омерзения, тоже сильно изменился. Раньше от Быстрого исходило сияние, он блестел, как новенький четвертак. Теперь же от лоска Быстрого не осталось и следа. Сеть морщин, прочерченных раскаленными песчинками, легла на его потускневшее лицо. Но я знал, как бы туго ни было, на Быструю Смерть можно положить. Когда придет время, он будет так же молниеносен и смертелен. Иначе Быструю Смерть стоило бы назвать Медленной Жизнью, так?

Так я думал, когда наконец понял, что больше ждать нельзя. Конечно, мы с Быстрым и Черным могли бы организовать трио «Death Boys». Я бы играл на банджо, Быстрый на губной гармошке, а Черный на скрипке. Да, мы поставили бы эту долбанную пустыню на уши. Кактусы растрясут кости, а мескитовые деревья так надерутся, что... Стоп, Джонни, не сходи с ума. Больше ждать нельзя. Ты с ребятами тут либо сдохнешь, либо сперва свихнешься, а потом сдохнешь. Тяжелые времена никогда не проходят. Поэтому больше ждать нельзя, пора возвращаться.

Так я сказал себе и прибавил ходу. Быстрый посмотрел на меня. И я кивнул. Черный мотнул головой в сторону Тусона. Тусон, скотская помойка! Я снова кивнул. Больше вопросов у парней не было. Мы – банда Смерти, и уж в чем мы толк знаем, так это в смерти. Мы сдохнем в горячей крови, как настоящая банда. Мы возьмем попутчиков. Посмотрим, заплачут ли ангелы.

Мы преодолели горный хребет и то, что я увидел в долине, заставило меня заговорить.

– Черт. Черт!!! Черт!!! – не знаю, сколько времени до того я молчал, но теперь просто не мог остановиться. Может быть, солнце сожгло мои глаза или я попросту спекся? Вместо деревянных домишек Тусона до горизонта тянулся чертов Нью-Йорк. Я был в Нью-Йорке совсем мальчишкой, но запомнил его каменные громады, широкие проспекты, черные квадраты площадей и густую зелень парков. Могли ли мы сделать крюк до Нью-Йорка? Или я спятил?

Черный и Быстрый выглядели спокойными, как мертвецы. Спятил или нет, но торчать на этой проклятой горе вечность я не собирался. Мы приближались к вспарывающим небесное брюхо громадам, и казалось, что это чудовищный зверь медленно ползет на нас, чтобы сожрать одним махом со всем дерьмом.

– Шел бы ты отсюда, – на обочине, возле смешного велосипеда стоял парень в нелепой форме. Откормленный бок велосипеда украшала синяя надпись «Полиция». О, так мальчик решил поиграть в полицейского. Подходящий наряд для карнавала – на голове каска, похожая на яичную скорлупку, на поясе крохотный пистолетик. – Нам в Тусоне шваль вроде тебя не нужна.

– Ты что-то сказал? – клоун чертовски смахивал на Джека Стэпса. – Думаю, тебе пора познакомиться с моим другом, Быстрой Смертью. Быстрый, смотри кто тут у нас.

Увидев Быстрого, парень побледнел.

– Танцуй, – сказал я, и Быстрый всадил несколько пуль в песок возле ног парня.

– Но... я... пожалуйста, сэр, – через минуту парень начал задыхаться. – У меня астма... пожалуйста

– Быстрый, Черный, вам не кажется, что наш новый дружок кое на кого похож? На «У» начинается, на «блюдо» Джек Стэпс» заканчивается, – я с удовольствием наблюдал, как пот стекает по покрасневшему лицу подпрыгивающего «полицейского».

– Ой, какая неприятность, – одна из пуль Быстрого легла чуть выше, и тело парня отлетело на добрый десяток футов. Когда оно коснулось земли, клоун уже был мертв. – Думаю, ты простишь старину Быстрого. Тяжелые времена, сам понимаешь.

Мы вошли в город, но мираж не рассеивался. Гигантские дома нависали над нами, попробуешь глянуть на крышу и заваливаешься на спину, так она высока. Мы ходили по людным улицам – точно, карнавал, ни одного человека в нормальной одежде. На нас косились и обходили стороной. По невидимым рельсам дорог носились крошечные паровозы. Несколько раз на пути вырастали клоуны в такой же форме, как у того парня. Они хотели видеть мои документы, задавали дурацкие вопросы. Советовали убираться ко всем чертям из Тусона. Одного Быстрому пришлось пристрелить. Мы искали хоть что-то знакомое. Церквушку преподобного Грегори, ферму Хардинга, свой дом, но не нашли даже мест, где они были.

Тяжелые времена никогда не проходят. Так и теперь, целая толпа клоунов-полицейских гналась за нами на своих игрушечных паровозах. Мы опять бежали, хоть и клялись, что это не повторится. Снова, как тогда, удалось уйти в пустыню – в песке невидимые рельсы кончались. Ни одна пуля не тронула нас. Черный харкал кровью, а Быстрый, постоянно отстреливаясь, раскалился до бела. Но мы остались одни под проклятым солнцем Аризонской пустыни. Мы были живы, а глаза ангелов по-прежнему сухи. Посреди этого гребанного пекла я, мой конь Черная Смерть и револьвер Быстрая Смерть. Кажется, на всей земле никого кроме нас троих не осталось.

Война. Война никогда не меняется. Сам я не воевал, и уверен, что порядочному человеку делать на войне абсолютно нечего. Боевые действия, насколько мне известно, зачастую имеют место в условиях далеких от базовых принципов комфорта, и едва ли способны принести удовлетворение хоть кому-то, находящемуся в здравом уме. Говоря об умственном здоровье, я ни в коем случае не хочу бросить тень на бездны первобытного ужаса, населенного древ-

нейшими созданиями совершенного кошмара, столкновение с которыми неминуемо ввергнет в безумие любого. Но отправляться на войну, где у тебя есть все шансы умереть от разорвавшегося снаряда в месиве из грязи, крови и собственных внутренностей, когда можно сделать то же самое в пасти неизъяснимо жуткой твари, представляется мне крайне сомнительной затеей. Если уж и гибнуть, то со вкусом и стилем, прикоснувшись напоследок увядающим сознанием к первозданной и непостижимой тайне темного измерения.

Ужас №2: Театр военных действий

Привет.

Еще в автобусе, когда нас везли со сборочного пункта, полковник (не запомнил его фамилии, голова после проводов до сих пор трещит, и не тошнит, но сухость во рту страшная) сказал, что мы можем писать письма домой, если нам так будет легче. Я сразу понял, что это значит – никто из нас не вернется. И письма наши никто и куда доставлять не станет. В лучшем случае сожгут, в худшем – выкинут на помойку вместе с картофельными очистками, банками из-под консервов и слизью недоеденной солдатиками каши. Но писать тебе, пожалуй, я все равно буду. И если вернусь, то вот с этими письмами. И пока я буду приходить в себя от контузии нескончаемости вечера после войны, за которым виднеются краешки такой желанной нормальной жизни, ты сможешь прочитать все то, что я говорил тебе здесь и сейчас, думая о тебе же.

Чтобы никто не заметил, что я не оправляю написанные послания вместе со всеми, всякий раз буду класть в конверт сложенный вчетверо чистый лист бумаги, а настоящие письма спрячу. Правда, хитрый план? Уже представляю, как стерегу это сокровище – тайник с письмами. Воображаю, как рвусь в бой, чтобы защитить их, ведь ты слишком далеко, чтобы я мог защитить тебя хоть от чего-нибудь.

Сегодня был первый бой (не знаю, какой он там на самом деле по счету, но первый с моим участием). Удивляюсь, как он не стал для меня последним. Я чувствовал себя так, как, должно быть, чувствовало бы кофейное зерно в кофемолке.

Нас выстроили в ряд, выдали автоматы и без лишних напутствий отправили на линию фронта – она проходит примерно в паре сотен метров за ограждением. Как пользоваться автоматом я представлял довольно смутно, но промолчал, да и никто вопросов не задавал. Вот оно – поколение counter strike. Пройдя через узкую калитку, мы оказались за ограждением – сварной решеткой, густо отороченной поверху витками колючей проволоки. И я сразу понял, что мне конец. Трава, сосны, растущие на пригорке возле линии фронта, песчаные лужицы, спины идущих впереди соратников, их локти, отведенные в сторону под ложе для автоматного приклада – все смешалось перед глазами в калейдоскоп из сотни оттенков зеленого. Когда послышался треск автоматных очередей, я не смог понять, мы ли это стреляем, или стреляют по нам.

В считанные секунды мельтешение усилилось. Впереди между стволов сосен замелькали фигуры в точно таких же камуфляжных костюмах, какие были на нас. Звуки выстрелов слились в оглушающий всеобъемлющий хруст, как будто незримый гигант пережевывал мощными челюстями этот клочок леса вместе со всеми и всем, что в нем находилось. Я не видел пуль, но казалось, что они летят со всех сторон, градом сыплются с неба, фонтанами бьют из-под земли.

Стрелять самому мне и в голову не пришло. Даже сейчас мне кажется, что это было бы бесполезно, а тогда я напрочь забыл, что за штука находится у меня в руках, для которой я так услужливо отвел в сторону локоть правой руки. Да если бы и вспомнил, что держу автомат,

прицелиться все равно не смог бы. Дай автомат кофейному зернышку в кофемолке – сможет оно прицелиться?

Зато другие парни чувствовали себя вполне уверено. Пусть я и перестал соображать, но все равно видел в их движениях ритм. То короткими шажками, приседая и перекатываясь, то перебежками, они продвигались вперед к линии фронта, не забывая периодически вкладывать свою партию автоматного треска в симфонию великанского хруста. Поколение counter strike. Я и не думал, что эти ребята на деле окажутся не хуже, чем в компьютерном кресле перед монитором с мышью и клавиатурой под ладонями.

То тут, то там калейдоскоп зелени озарялся оранжевыми вспышками пламени и проступал кроваво-красными крапинками. Впереди, слева и справа фигуры в одинаковых пятнистых штанах и куртках передвигались, падали и замирали. Я тоже упал и замер, не сомневаясь, что мне конец.

Но, как видишь, я ошибся. По крайней мере, на этот раз. Те, другие, бегающие и стреляющие с другой стороны линии фронта, кончились раньше, чем с той, где находился я. Их стало несколько, а нас – несколько. Трое, если быть точным. И знаешь? Такой расклад уверил меня только в одном. Мне конец. Если не в следующем бою, который, как сказал полковник (теперь я знаю, что его фамилия Егоров), будет в субботу, то в том, который последует за ним.

Оказалось, что в бой можно не ходить, если согласишься перевестись в спецотряд. Солдаты спецотряда занимаются тем, что после очередного сражения собирают с поля боя тела погибших и их фрагменты. Я обдумал такую перспективу и отказался вступать в спецотряд. Не спрашивай, почему.

Хорошо, расскажу. Когда мне было лет пятнадцать, сосед вышел на улицу из окна десятого этажа. Я видел тех людей, которые собирали то, что от него осталось. Вид у них был такой, как будто они с большей радостью оказались бы на месте моего соседа, чем на своем собственном.

Прибыли новобранцы. Завтра в бой пойдем в полном составе.

Я тут подумал, что попадать на войну лучше в восемнадцать лет, а не как я. И дело тут не в зрелости и не в каких-то других качествах солдата. Просто смерть мальчишки покалечит разве что только его родителей, а если мужчина женат, имеет детей... Хорошо, что у нас с тобой нет детей. Правда?

В сегодняшнем бою случилось странное. Все было точно так же, как в первый раз. Я лежал в траве оглушенный шумом и мельтешением. Когда все стихло, я поднялся на ноги и увидел, как один из парней нашего отряда отбрасывает автомат и идет к линии фронта. Парень, который стоял за ней, тоже бросил оружие, и пошел ему навстречу. Приблизившись друг к другу, они обменялись рукопожатиями. На этом сражение закончилось.

Вечером на построении полковник Егоров сказал, что недоволен нашим боевым духом. Два человека выживших с нашей стороны и один со стороны врага – такой результат его решительно не устраивал.

Ночью мне снилось лицо. Хотел бы, чтобы твое, но это был тот вражеский солдат, который бросил автомат и пожал руку парню из нашего отряда. Проснувшись, я понял, что знаю этого врага – он учился в том же институте, что и я, только на курс старше.

Утром приехал еще один автобус с новобранцами. Разговорился с одним из новоприбывших, Артемом. Оказалось, что Артем учился в том же институте, что и я, только на два курса младше. В армию пошел добровольцем. Странный человек.

Сегодня опять был бой. Все та же линия фронта за колючей проволокой на пригорке между сосен, тот же треск и головокружение. Пожалуй, к этому можно привыкнуть. Но с каждым сражением уверенность в том, что мне конец, усиливается.

За час перед боем полковник Егоров выдал нам по две таблетки. Сказал, что витамины, и приказал проглотить их. Таблетки были розового цвета, большие, сантиметра три в диаметре, – не проглотишь. Пришлось грызть. Никто не поверил, что это витамины. Перед построением парни начали делиться ощущениями. Оказалось, что большинство из них чувствовали себя более сильными, быстрыми и опасными.

Не знаю, каково это – чувствовать себя опасным. Но, так или иначе, я никакого эффекта от приема таблеток не ощутил. Ребята же рвались в бой с особой стремительностью и безрассудством. Трое наших бросились за линию фронта, стреляя на бегу. Видимо, им удалось прорвать линию обороны неприятеля. Следом за первыми тремя рванули и все остальные, а через минуту сражение было окончено. Мы победили. Но мне тут не выжить. Увы, это не предчувствие, а уверенность.

Вчера после вечернего построения полковник Егоров подозвал меня, отвел в сторону от казармы, приобнял за плечо и, заглядывая в глаза, спросил, пишу ли я письма домой. Я честно признался, что да, пишу. Тогда он поинтересовался, о чем же именно я пишу. Тут я тоже душой не покривил – ответил, что о наших доблестных победах. Егоров, услышав мои слова, как-то криво ухмыльнулся. Спросил, о чем еще я пишу, кроме побед. А здесь я слукавил. Сказал, что еще о том, что армия большая, а шинели подходящего размера для меня не нашлось. Егоров рассмеялся, похлопал ладонью по спине и приказал возвращаться в казарму.

Вот. Теперь я написал тебе о шинели. Видишь? Никакого вранья. Завтра в бой. Таблетки уже раздали, только теперь зеленоватые, в два раза меньше розовых, и принять их нужно перед сном.

На этот раз враги сражались, как берсеркеры. Бежали навстречу пулям, паля без остановки, как наши в предыдущем бою. Двое промчались в полуметре от меня, я увидел их лица и узнал – оба парня жили со мной в одном и том же доме, но в других подъездах.

Но и в этом бою наши были быстрее и стреляли точнее неприятеля. Очевидно, зеленые таблетки эффективнее розовых. Еще одна доблестная победа.

Но мне конец, я знаю. Если полковник Егоров найдет мои письма и узнает, что ни розовые, ни зеленые таблетки на меня не действуют, мне конец. Это не предчувствие, а уверенность. На войне, как на войне. Но я не могу не писать тебе, также как не могу врать.

Если после следующего боя я тебе не напишу, не расстраивайся. Просто представь, что на этот раз таблетки были, скажем, голубые. А за поросший соснами пригорок с линией фронта солдаты сражались с такой неумолимой решимостью и яростью, как будто этот бой был действительно важен. Словно за их спинами, где-то далеко-далеко и одновременно так близко, что ближе и представить нельзя, находились дома с их родителями, женами и детьми.

Череп, по сути, является костяной клеткой, в которой с момента рождения и до последнего вздоха томится человеческий разум. Есть ли шанс совершить побег из этого заточения

иным способом, кроме как лишившись разума? Нет. Зато, расставание с разумом сулит не только освобождение, но и открытие новых, ранее недоступных возможностей – как говорят сейчас, суперспособностей. Так, безумный араб Абдул Альхазред, покинув клетку своей черепной коробки, создал зловещую книгу аль-Азиф, более известную как Некрономикон, расчистившую путь в наш обыденный мир настолько огромному количеству зла всех форм и образов, что о таком и мечтать не приходилось. Впрочем, многим людям, неспособным на настоящее безумие, чтобы почувствовать себя свободными достаточно иллюзий и симуляций. В частности, книги, подобные этой, пишутся как раз для таких персон – хотя бы на время чтения они могут посочувствовать безумию автора, умозрительно примерить это безумие на себя и вообразить свой разум вне внутричерепной темницы.

Ужас №3: Клетка

Доктор предупредил, что операция мне предстоит серьезная и может затянуться. Проблема с эпителиальными тканями, малигнизация, тканевой атипизм, – вот что мне говорили при направлении на операцию. И поясняли, как для маленького: – дифференцировка утрачена, структура нарушена, нужно резать, пока не поздно.

Затянется, не затянется, – думал я, лежа на операционном столе и поудобнее устраиваясь лицом в ларингеальной маске, – мне-то какая разница? Буду себе под наркозом без чувств кайфовать. Это им тут работать, пилить и резать.

В клетке нас оказалось трое – я, мускулистый азиат-очкарик с татуировками Триады и безногий старик в тельняшке и бескозырке «Ермак». Больше всего мне докучал старик. Стоило задремать, как он, шурша культиями по опилкам, устремлялся в мою сторону, бешено вращая глазами и клацая стальными челюстями. Лишь получив пинка под дых, старик уползал в свой угол, откуда грозил мне сухоньким кулачком и сыпал яростными шепелявыми проклятиями. Китаец наоборот вел себя пристойно. Сидя в позе лотоса, то напрягая все мышцы разом, то расслабляя их, он покурил опиум и, судя по всему, мало интересовался происходящим вокруг. Опиумный дым, которым китаец поневоле делился с нами, приятно щекотал мозг где-то возле основания шеи. Хихикая от щекотки, я подмигивал старику – мол, как, огрызок человеческий, весело ли тебе, пепельница зубастая? На «Ермака», похоже, опиум тоже действовал. В ответ на мои подмигивания он начинал шумно грызть прутья клетки своими стальными коронками, мыча мотив чего-то вроде «не сдастся наш гордый «Варяг»». Однажды я предложил очкарику как следует накурить деда – вдруг да осилит старость прутья, перегрызет их наконец, да по домам двинем. Китаец ничего не ответил, даже не посмотрел в мою сторону, свинья узкоглазая. Так и жили. Не тужили, только жрать уж больно хотелось. Да от «Ермака» с каждым разом все дольше отбиваться приходилось.

Как-то раз, проснувшись, я с удивлением отметил, что мне удалось выспаться. В кое то веке! Это что же, старина морячок прыть терять стал, бросил свои блицкриги? Глянул я в угол, где «Ермак» обитал, и что-то не по себе мне стало. То, что без ног инвалид пожилой, так это мы привыкли. Может им, волкам морским, без ног на палубе не так уж плохо танцуются, штормит меньше и все такое. Только вот сейчас у деда на поверку и рук не оказалось. Лежит себе опарышем бородатым, пену изо рта пускает, а пустые рукава тельняшки возле ключиц узлами, кровью пропитанными, завязаны. Что это с ветераном нашим стряслось? – у якудзы проклятой спрашиваю. Да что с басурманина взять – очки на носу поправил, по мышцам конским волну пустил, закурил – вот и весь ответ. Заподло у них там в Триаде с другими разговаривать или нет – мне фиолетово, но в чрезвычайных ситуациях можно и на заподло плюнуть, я так считаю. Короче говоря, малость взбесил меня черт узкоглазый отсутствием участия. Подскочил я к нему, да в бубен приложил хорошенько. С товарищем по несчастью, – говорю ему, – рожа желтая, беда приключилась, так что хватит тут мослами своими понтоваться. Тут же в руке

китайца сверкнула сталь. Дезерт Игл пятидесятого калибра – я такие в кинокомиксах Гая Ричи видел. Откуда голый засранец взял пушку здесь, в клетке? Понятия не имею. Но ведь не сидел же он на чемодане с опиумом, хоть и курил его чуть ли ни раз в час.

– Спокойно, братушка, – примирительно сказал я, из-под мушки бочком уворачиваясь. – Не хочешь дедушке помогать – и не надо. Ему, похоже, уже все равно ничем особенно не поможешь. И со мной можешь не разговаривать, я не в обиде, честное слово.

– Как же ты мне надоед, – грустно вздохнул китаец, но пистолет не убрал. – Тебя и так здесь нет, а шумишь больше, чем Инвазий.

– Инвазий? – удивился я. Скорее тому, что покемон разговаривать умеет. – Это «Ермак» наш что ли?

– Он самый.

– Так, поди, отшумелся старикан. Чего ему теперь? Его не тронь, он и подохнет. А вот нам с тобой надо бы призадуматься, как бы самим без рук, без ног не остаться.

– Почему? Ну почему это происходит со мной? – азиат закатил увеличенные очками глаза. – Другие на твоём месте смотрели бы на полет стаи бабушек в ночном небе, на пульсацию вековых колец среза Вселенной, проникали бы в тайны грибного царства.

– А ты, дружок, чьих будешь? – вот вспомнит, кто таков, глядишь и бред его рассеется.

– Вокруг посмотри, – ответил китаец. Я огляделся – клетка как клетка, стальные прутья вместо стен и потолка, на полу опилки.

– Да ты посмотри, что ТАМ творится, – словно поняв мое неразумение, подсказал китаец. Странно, но только теперь я глянул на то, что простиралось по ту сторону решетки.

От прутьев нашей клетки на сколько хватало глаз во все стороны, тесня друг друга, тянулись стальные изгибающиеся корни, то тут то там замыкающие собой пространства новых клеток. В каждой клетке, которую удавалось разглядеть, я видел себя, сурового очкастого триединца и «Ермака», то есть Инвазия. Если я был собой, а китайца от китайца вовек не отличить, то Инвазий в разных клетках был разный. Где-то он, подобно бабуину, висел под потолком на целехоньких руках и болтал в воздухе вполне себе присутствующими ногами, где-то шатался на своих двоих, но без верхних конечностей. От клетки к клетке количество уцелевших рук-ног старика изменялось. Над всей этой апокалипсической картиной ярко до слепоты сияло солнце, да где-то вдалеке красным полированным гранитом сверкали горные отроги и белоснежные вершины.

– Сальвадор Дали, – только и смог сказать я, оказавшись не в силах оторваться от представившегося вида.

– Да уж. Пистолет есть, да толку мало, – снова вздохнул китаец.

– Как это?! – вскинулся я. – Мочи по прутьям! Сами выберемся, десяток-другой Инвазиев высвободим, а там уж они сами протезами своими стальными нам путь наружу прогрызут!

– Очумел? – на лице китайца отобразилась гримаса неподдельного ужаса. – Жить надоело? Ты глянь, откуда корни у клеток тянутся. Там, где Инвазий зубами приложился, тут же десяток новых клеток вырастает. Ты что, вправду думал, что он прутья перегрызть пытается?! Да он их через слюну да металл множит, что зернышки на шахматной доске!

– Тю. Что ж ты так испугался, если меня тут нет? – поддразнил я бандита, вспомнив его слова.

– Нет нигде. Нет везде. Одно и то же. Ты – везде, значит, нигде, – пожал широченными плечами китаец. – Но безумия даже твоего отсутствия хватит, чтобы порушить здесь все не хуже Инвазия. Ох, не стоило тебе не быть не здесь прямо сейчас. Кстати, извини за вопрос, а ты сам чьих будешь? – очкарик неожиданно лукаво улыбнулся.

– Я? – тупо переспросил я. И, пока китаец дожидался ответа, ногой выбил пистолет из его руки. – Я твой худший кошмар, крошка!

Пожалуй, это худшая фраза из всех, что можно сказать человеку за мгновение до того, как прострелишь ему башку, но других слов в моей собственной голове за это самое мгновение не отыскалось. В любом случае, это лучше, чем стрелять молча.

Решетка оказалась мягче, чем я думал. Один точный выстрел – один прут на вылет. При теле моего голого азиатского друга обнаружилось достаточно патронов. И опиума. Все это словно вывалилось из его недр, как в компьютерных играх из поверженных врагов выпадают аптечки и прочие бонусы. Инвазия из нашей клетки я пристрелил, чтобы не мучился. Пристрелить-то я его, конечно, пристрелил, только он выпущенной в голову обоймы не заметил. Как лежал, пуская пузыри, так и продолжил. Странно.

Когда парой выстрелов я вскрыл ближайшую клетку, на меня набросились все трое. Первым я упокоил желтого, затем другого себя – нельзя доверять клонам. Не то чтобы я рассчитывал на благодарность Инвазия (который в той клетке был свеж, как огурчик и с полным набором конечностей), но то, с какой яростью он в один прием перегрыз мне горло, ошарашило и впечатлило. Умирая, я думал, как все это время в одной с ним клетке держался я, то есть, мой почивший клон.

– Как вы себя чувствуете? – первым делом поинтересовался доктор, когда я пришел в сознание. Самым честным ответом было бы действие – выблевать из себя все содержимое на его белоснежный халат. Только вот в чем беда – перед операцией мне сделали промывание желудка, стало быть, блевать оказалось нечем.

– Спасибо, бывало и... – сглотнув, начал я.

– Но могло быть и хуже. Значительно хуже, – перебил меня врач. – Метастазы мы – чик-чик – порезали. По ручкам, так сказать, и ножкам.

– Ножкам? Ручкам? – я вспомнил вопрос, заданный мне китайцем. Чьих я, собственно, буду?

– Да. Опухоль вырезали со всеми щупальцами. Она так сопротивлялась, так сопротивлялась! – доктор весело рассмеялся.

– Угу, – кивнул я. Значит, яркое солнце, кровавые склоны гор и снежные шапки вершин. – И долго я валялся на столе со вскрытой грудной клеткой?

– О, не беспокойтесь. Если бы внутрь вас за это время кто-то попытался проскочить, мы бы неминуемо поймали паршивца, – хохотнул доктор.

– Успокоили, – соврал я.

– Отлично. Раз у вас все в порядке, я, пожалуй, пойду проведать других пациентов.

– Да, конечно, – согласился я. – Только скажите, если это, конечно, не врачебная тайна, – что видят люди во время операции?

– Чего только ни видят! – доктор расхохотался. – Один пациент, к примеру, видел сорвавшийся конец света. Он рассказывал, что конец света был спланирован на клеточном уровне. Дескать, все мы заминированы от природы или бога – как вам больше нравится. В определенный момент, когда сносить человечество создатель, кем или чем бы он ни был, оказался уже не в силах, он нажал красную кнопку. Заряд врожденной взрывчатки был размещен в левом глазном яблоке. Только вот силу взрыва создатель не рассчитал. Вместо того чтобы одним махом избавить планету от людей, он получил планету циклопов. В момент взрывов, оказавшихся слишком маломощными, чтобы разнести человеческие головы и мозги по закоулкам, люди с удивлением наблюдали вытекание собственного левого глаза на подушку, колени, в тарелку супа, на клавиатуру компьютера или приборную панель автомобиля. По свидетелям наркозного «очевидца», шум утих быстро. Бедные стали заклеивать опустевшую глазницу пластырем, кто побогаче – вставляли в новую оправу сверкающие самоцветы и ни о чем не скорбели. Да, правила дорожного движения, насколько я помню, тоже пересмотрели.

– Изысканный бред, – проглотив ком в горле, сказал я.

– Да. Почти безупречный. Пациент говорил, что, увидев свой просчет, создатель отыграл конец света до исходных позиций.

– И вместо бомбы внедрил Инвазия?

– Что, простите? – доктор явственно напрягся.

– Нет. Ничего, – я поспешил его успокоить. – Рак, конечно, не может быть таким уж злым, как его малюют. Просто бесконтрольный малый. Никакой поддержки сверху. Только откуда у меня в клетках взялись китайцы?

– Не знаю, – признался доктор. – Может, у вас в роду китайцы были. У бабушек своих спросите, у дедушек. Одному пациенту, кстати, во время операции привиделась стая летящих на восток бабушек.

Люди любят зрелищные эффектные трюки. Если кто-то вдруг взмлет в небо, не пользуясь помощью специальных летательных аппаратов, тросов, лебедок и других подъемных механизмов, он тотчас привлечет к себе массу общественного внимания и будет наречен чудотворцем. В то же время, опытный пловец, способный свободно перемещаться в толще воды вверх и вниз, не вызовет демонстрацией своих умений ни малейших восторгов. Но в чем же принципиальное различие между левитацией – безопорным парением – в воде и в воздухе? Все-знающий демон физики отвечает на этот вопрос однозначно – в плотности. Плотность человеческого тела близка по значению плотности воды, поэтому «полеты» в жидкости даются ему без труда. Плотность воздуха в 816 раз меньше плотности воды, и по этой причине нырять в воздушном пространстве человеку дано только в одном направлении – вниз. Вернемся к цифрам. Плавание человека в воздухе в 816 раз чудеснее плаванья его же в воде. Но плавание в воде не является чудом, то есть чудесность этого действия равна нулю. Умножив 0 на 816, мы получим круглый и неизбежный ноль – подтверждение того, что левитация человека в воздух, вопреки сложившемуся мнению, чудом не является. Может создаться впечатление, что научный подход к познанию мира на корню уничтожает саму возможность существования чудес, однако это не так. К счастью, множество порталов, невидимых нитей и аномальных точек истончения реальности связывают наш мир с другими – параллельными и перпендикулярными измерениями, для которых земные законы физики не только не справедливы, но и абсурдны. Именно оттуда, с темной изнанки Вселенной, а также с помощью божества Йог-Сотота, связывающего миры и измерения, к нам просачиваются истинные чудеса, способные смутить любой рациональный ум и погрузить его в пучину беспомощного созерцания.

Ужас №4: Мишка-наружка

В одном из крупнейших городов мира (а если кто в том городе побывает, то с уверенностью скажет – в самом крупном, потому что охренеть можно раз и навсегда от того, какой он, сволочь, огромный и со всех сторон сразу), где человеку легко потеряться, как иголке в саргассовом море, живет и умудряется не теряться Миша. Он занимается монтажом наружной рекламы, поэтому его так и зовут – Мишка-наружка. Сам он маленький, с черными глазами-бусинками и пепельными волосами. Лицо все в шрамах, но, если смотреть чуть прищурясь, кажется детским – такое оно круглое и наивное. Чтобы выглядеть взрослее, Миша отпустил пышные усы. Пытался отрастить также бороду и бакенбарды, но те отчего-то заупрямились, пустили из щек и подбородка по три тонкие волосинки и на этом остановились.

Шрамов на лице Мишки-наружки постоянно прибавляется. И смех, и грех, но сколько же раз он, натягивая очередной баннер или клея свежий лоскут рекламного плаката на фанерный щит, падал вниз с предоблачных высот. С одной стороны, маленький он, легкий, ветром сдувает. С другой – площадь сопротивления у него небольшая, легче ему должно быть лапками цепляться за тросики страховочные. Но Мише все нипочем, вольная он птица, к сталь-

ному поводу страховки привыкать не желает. Как сорвется с верхотуры, так только руки-ноги в стороны растопырит и планирует над головами ко всему безучастных горожан и не менее равнодушных понаехавших гостей, как белка-летяга, до кустов ближайших. Разве что только школьник какой-нибудь, ворон считая, заметит Мишкин полет и тут же, не приходя в сознание, за телефоном тянется, чтобы видео снять и в интернет выложить.

Ни переломов, ни ушибов вследствие спонтанного воздухоплавания Миша никогда не получает, одно лишь лицо иссеченное. «С кошкой трахался?» – шутят над Мишиными царапинами, а он только улыбается, не обижается совсем. Он своими шрамами гордится, за украшение их считает, как настоящий мужчина. Если есть время, может целую экскурсию по ним устроить. Расскажет, что этот вот, в форме полумесяца, получил, когда с проспекта Мира по дуге в ботанический сад МГУ залетел, да прямо на тот дуб, который сам царь Петр за каким-то чертом вздумал посадить. Другой, напоминающий силуэт акулы с раскрытой пастью, – путешествие с крыши Арбатской высотки на Гоголевский бульвар, обложенный густыми тучами гари и копоты от вечной автомобильной пробки. На щеке мощный бородатый профиль Чарльза Дарвина или Карла Маркса (кому кто ближе и как больше нравится) – резким порывом об асфальт чиркнуло, прежде чем на лиственницу в парке недалеко от Ленинградского шоссе закинуло. Распугало это действие парковых белочек, ожидавших подкормки орешками или чем повкуснее, но никак не прилета маленького усатого монтажника. На лбу явственно виднеется кот с торчащим трубой хвостом (остроумцы хихикают, что это сам Мишка с эрекцией, но, обычно тихий, тут он активно отнекивается, дескать, он человек порядочный и с подобными ассоциациями решительно не согласен). История у кота такая – над катком на Красной площади новогоднее поздравление вешал, сорвался, да ветер на беду со стороны Александровского сада дул, вот Миша лбом о памятник героям Плевны и затормозил. И спрыгнул он с того памятника, надо сказать, чрезвычайно ловко и изящно, совершенно не нарушив привычного течения жизни обитающих там в большом количестве бомжей, людей запутанной сексуальной ориентации и патрульных полицейских. Ни единой бутылочки не опрокинул, ничей макияж не испортил и в свисток дунуть или документику проверить никому ни малейшего повода не предоставил.

Начальство Мишкой-наружкой никогда довольно не бывает. Работу он из-за незапланированных перемещений вверх-вниз долго делает, хоть в результате придаться и не к чему. Поначалу хотели его уволить – вдруг упадет да разобьется. Все под прокурором ходят, да садиться желания не испытывают. Но, так как Миша на больничное лечение ни разу не отпрашивался и даже отпуска себе за пять лет службы не требовал, оставили его как есть трудоустроенным. Конечно, думали, все ли у него с головой в порядке, не специально ли он с высоких метров прыгает. Только эту идею отбросили – городище-то вселенских масштабов, высоток небоскребных хоть ложкой ешь – на любую забирайся и сигай сколько душе угодно.

Добрые люди пытались Мишу надомнить, чтобы он из своих падений шоу устроил, в денежках поднялся. Миша согласился с разумностью предложений. Сходил в цирк на Цветном бульваре, где продемонстрировал господину Директору и самой любимой его Секретарше свои удивительные способности. Миша был немедленно зачислен в штат и включен с номером в ежедневную программу, но через неделю вернулся к наружной рекламе. За кулисами, говорит, двором скотным пахнет неприятно, ему, городскому жителю в пятом колене никак не привыкнуть. Да и зрители его смущали – так-то на Мишу никто внимания не обращает, максимум в метро на ногу наступят, по телефону в сообщество анонимных друзей Иеговы пригласят или в подъезде сосед жестоко пьющий обматерит за что-нибудь незначительное. А тут все гогочут хором в тысячу глоток, попкорном хрустят оглушительно и плятятся так, что, кажется, аж до дыр Мишку проглядят, – одним словом цирк. Если кто-то продолжал настаивать, дескать, Миша чепухой мается и от коммерчески выгодного стартапа отлынивает, то признавался мон-

тажник честно, пусть и нехотя, что больновато вот так – каждый день из-под купола цирка головой вниз на наковальню пикировать, никаких денег уже не хочется.

За исключением короткой и весьма спорной цирковой карьеры, жизнь Мишки идет себе и идет – размеренно, спокойно и со скромным достоинством. Как город стоит и шуршит своими миллионами, словно всегда тут стоял и шуршал, так и Миша наружную рекламу размещает, будто бы вечность этим занимался и еще одну вечность в том же духе продолжать собирается.

В паре с Мишкой-наружкой работает Евгений Борисович Анюткин, крепкий мужик, весь сплошь из параллельных и перпендикулярных линий скроенный, из брусочков деревянных сколоченный, да из кирпичиков прочных собранный. Он никогда мерами безопасности не пренебрегает, технику охраны собственного труда люто блюдет, каску даже в бане не снимает. За двенадцать лет ни царапинки, ни зазубринки на его угловатом лице не появилось. Только не любят Евгения Борисовича люди, Ебанюткиным что в глаза, что за глаза называют, а он злится. Обижается Анюткин шуткам и никогда их не забывает, каждый день перед сном лежит в кровати и вспоминает наперечет, кто его чем неуважить посмел. Способностей никаких выдающихся Евгений Борисович не имеет, кроме как всех людей в городе и в мире истово ненавидеть. Всех скопом он сбродом считает, дурачем, бездельниками. Каждого в уме за подлеца и злорадца держит, даже тишайшего Мишку-наружку, с которым уж пятый год плечо к плечу трудится. Всякий раз, как наверх заберутся, Евгений Борисович Мишу локотками и коленками так и тычет, так и подталкивает, да все вниз спихнуть норовит.

Непреложная истина, известная всем посвященным адептам невыдуманных культов, заключается в том, что любой ритуал является совокупностью строгой последовательности слов, пассов и действий с определенными ингредиентами. Каждый из элементов ритуала одинаково важен для достижения поставленной цели. Только невежда способен решить, будто бы с формулой ритуала можно экспериментировать и безнаказанно заменить один компонент другим, якобы обладающим такими же свойствами. Результаты такого небрежного легкомыслия могут быть крайне плачевными и разрушительными. К примеру, обряд посвящения человека, чье тело полностью утратило пригодность для повторного использования, помимо прочего требует обжарки пятидесяти двух килограммов белого репчатого лука. На моей памяти один из не самых прилежных студентов Мискатоникского университета возжелал вернуть к жизни свою трагически погибшую возлюбленную. Та попала в автотрагедию, и ее тело сильно пострадало при взрыве топливного бака – фактически, от нее остались лишь разрозненные обгоревшие куски мяса и осколки костей. Готовясь к проведению ритуала, студент выкрал из морга подходящее девичье тело, при полной луне оскотил тринадцать черных котов, произнес воззвание к милости Азатота и зажарил пятьдесят два килограмма репчатого лука, но не белого, а фиолетового. Стоит ли удивляться, что вместо оживления любимой девушки молодой человек добился того, что из-за пределов космоса явился Хастур Неизрекаемый и высосал его полностью, оставив лишь пустую оболочку. Поэтому, если вы проводите ритуал самостоятельно, будьте предельно внимательны – незначительных мелочей в этом деле не бывает. Если же вы по воле случая окажетесь в месте, где обрядом руководит некто посторонний, в ваших же интересах удалиться на безопасное расстояние, так как за действия и внимательность этой посторонней персоны перед вами никто не поручится, а Хастур по природе своей не только Неизрекаем, но и Ненасытен.

Ужас №5: Белый лучок

Только зашел в подъезд, носом повел – и на тебе. Что это? Да! Ошибиться невозможно. О, нет! Кто-то лучок жарит. Ничего, в квартире-то лилии, орхидеи и прочие нежные цветы душистых прерий. Открываю дверь. О, ужас! В прихожей лукового духу по колено, в жилых

помещениях по щиколотку. И с потолка кап-кап-кап. Прямо на макушку душком капает. А если бы я ремонт сделал? Да хоть вот если бы год назад ремонт сделал, то что теперь? Все, нафиг? А сверху все капает, да через три капли струйкой прорывается – по обоям, по мебели, по нежным цветам. Терпеть такое? Увольте.

Прыгая через три ступеньки, от луковой вони на бегу отряхиваясь, подскочил к двери соседа со второго этажа. Зазвонил истерично, чтоб сразу человек понял, будет ему от меня недовольство и угрозы расправы справедливой. Будет знать, как жарить. Две минуты звонил, три, пять. Наконец открыл мальчик со зрачками расширенными, одетый в футболку – одной рукой дверь придерживает, другой срам прикрывает.

– Извини, чувак, – говорит, – что долго. Труссы искал.

– Ты чего, чувак, – злобно зажимая нос от луковой гари, ответил я, – устроил тут?

– Ты про это? – парень приоткрыл дверь комнаты, и вони в прихожей стало по пояс. – Это не я. Сначала думал, приход жестокий, глючит, что хрень какая-то сквозь стены лезет, на измену подсел... Ты сам-то сегодня как, не это?

– Нет.

– Хм, – парень задумался. – Значит, сверху заливают.

На следующий этаж мы поднялись вдвоем. Инициативу, даром что без трусов, перехватил парень.

– Коза драная, открывай, мать твою! – свободной от прикрытия срама рукой парень принялся колотить в дверь. Открыла заплаканная девушка в банном халатике.

– Ты че, шлюха, себе позволяешь, а? – рассекая голыми ногами болото лукового духа, парень прошел внутрь. – Мало тебя жарили, что сама за жарку взялась?

– У меня на сегодня один единственный был, – всхлипывала девушка. – Постоянный клиент, еврами платил. А тут как сверху ливанет – ему и на костюм, и в портфель натекло. Ушел, не заплатил, сказал, что не вернется, что лучше на вокзале за сотку. А мне завтра выручку сдавать. Больше никто сегодня не придет, а где я до завтра денег возьму? Самой теперь на вокзал за сотку?

Четвертый этаж брали втроем. На пороге возникла необъятная женщина в резиновых перчатках и марлевой повязке.

– Слышь, уродина, ты попала! – буйствовал парень.

– Неустойку плати! – сердито утирая слезы, вторила девушка. – За выгоду упущенную.

– И мне за ремонт, – должен же я был хоть что-то сказать.

– Чего орете? – донесся из-под повязки гнусавый голос. – Если я тут тараканов травлю, так это для всеобщего блага. Положение домоуправа обязывает. Ругаться будете – милицию вызову и сами тогда своих тараканов травите... А что, мои тараканы к вам уже побежали? Шустро, однако.

– Вы, извините, зачем тараканов луком травите? Им, по-моему, от него хуже не становится, – мой боевой настрой утих на фоне ярости других соседей.

– Луком? Охренел что ли? – гыкнула домоуправ. – Троапсилем я их, родненьких, чтоб как звать забыли.

– То есть, вы не заметили, что тут несколько э...

– Воняет шо, блядь, пиздец! – закончил мою мысль парень.

– Пиздец! – тоненько поддакнула девушка.

– Значится так, товарищи бляди, наркоманы и к ним примкнувшие, сейчас я позову участкового, и он вам расскажет, что такое пиздец, – беззлобно прогнусила домоуправ.

– А у вас по обоям не стекает, с потолка не капает?

– Чо? – глянув на меня, как на сумасшедшего, домоуправ перевела глаза на потолок, с которого прямо к ее ногам шмякнулся склизкий комок луковой воницы. – Оно пахнет?

– Еще как, – притихшие от угрозы участковым, парень и девушка кивнули.

– Проклятый насморк! – воскликнула домоуправ и натянула перчатки до локтей. – Ну я щас ей устрою!

Открыв дверь своей квартирki на пятом этаже, старенькая Ольга Федоровна охнула от количества людей, столпившихся на лестничной клетке.

– Ольфдрна, это безобразиe! – наклонившись к самому уху старухи, взревела домоуправ. – Вы что с подъездом сделали! Всех луком затопили!

– Да я ить клееночку штелила, – моргая и двоясь в режущем глаза луковом духе, шамкала старуха. – Неушто прошочилошь? Мошет, чайку? Скоро Коленька придет, он картошечку штрасть как любит, ш лучком. Только вот картошечки...

– Пойду, газ по стояку перекрою, – буркнула домоуправ и удалилась. Девушка ушла молча, опустив глаза и скорбно думая о вокзале.

– Коля? – парень почесал затылок, забыв, что это рука заменяла ему трусы.

– Што там? – сощурилась Ольга Федоровна.

– Пиписка, – не придумав ответа лучше, сказал я.

– Надо ше, – огорчилась старуха, – как я плохо вижу.

– Какой еще Коля? – не унимался парень.

– Пошли, – я взял парня за руку и повел вниз, тихонечко прошептав ему на ухо: – Сын ее, лет пять уже как умер.

Сокровенные мысли – стоит ли фиксировать их на страницах личного дневника или лучше дать им умереть, разложиться и истлеть в беспокойном омуте своего будничного сознания? Ответ зависит от того, на какой результат вы рассчитываете. Если вам нравится пребывать в заблуждении, будто бы на протяжении всей шкалы вашей жизни и в каждой ее отдельно взятой точке вы оставались «старым добрым самим собой», то ведение дневника вам противопоказано. Кроме того, отказавшись от летописания, вы сэкономите немало сил, времени, а также бумаги, чернил и нервов, которые могут быть потрачены на переживания по тому поводу, что ваш тайный дневник может попасть в чьи-то руки. Но в том случае, если вы честны с самим собой и относитесь к собственной персоне со вполне справедливо заслуженным подозрением, дневник вам необходим. Добросовестно заполняя страницы мыслями о том, что нище остального беспокоило вас в ту или иную текущую дату, вы создаете собственный портрет неизбывной точности. Однако когда вы осмелитесь пуститься в путешествие по волнам строчек своего дневника, вас будет поджидать множество пугающих сюрпризов, порой ввергающих в состояние озноба, заставляющих трепетать, бормоча в лихорадке: «Кто это? Что это за существо? Невозможно! Немыслимо! Неужели это... Я?!». Одна из восточных мудростей гласит, что сильнее всех людей тот, кто сумел победить самого себя. Конечно, это даже близко не так, ведь себя победить куда проще, чем, скажем, Ньярлатхотепа – ниспосланное богами воплощение хаоса. Но познакомиться с собой поближе будет нелишним. По крайней мере, вы получите представление о том, сколько времени сможете продержаться в плену разумных насекомыхидных грибов Ми-Го прежде чем особенно сти их психологии и морали сведут вас с ума.

Ужас №6: Дневник Долорес Браун

10 февраля

Здравствуйте, дорогой мистер Дневник. Огромное Вам спасибо, что Вы разрешили мне Вас вести. Только это тайна. Тссс. Никто не должен знать, что у меня есть Дневник, то есть Вы. Особенно мамочка. Вы обещаете ей ничего не говорить?

О, мистер Дневник! Я знала, что на Вас можно положиться. Спасибо!

Обещаю навещать Вас почаще. Не скучайте.

Искренне Ваша Долли.

14 февраля

Дорогой мистер Дневник. Знаете что? Я подумала, если у нас есть общие секреты, то нам стоит перейти на ты. Вы не против?

Замечательно! Ты самый лучший! Люблю тебя!

Мамочка говорит, что хотела назвать меня Евой, но потом передумала. Она говорит, что Ева – слишком непорочное имя для шлюхи. Я рада, что мама передумала. Мне совсем не нравится имя Ева, и очень хочется стать настоящей шлюхой. Я мечтаю шлаться по Парижу, Милану и, может быть, даже Африке. Пока я могу шлаться только по Ньюпорту, но это тоже мне очень нравится, и совсем не нравится мамочке. Каждый раз, когда я прихожу домой после шести, она спрашивает «где тебя носит, маленькая шлюшка?». Я не знаю, что ей отвечать, потому что кроме Ньюпорта я нигде не была. И еще меня никто не носил.

Кроме Стивена. Только это очень-очень секрет. Дневничок, обещай никому не говорить. Хорошо? Так вот. Стивен один раз нес меня на руках от ворот до машины. Только не спрашивай, каково это было. Нет, нет и нет! Я же сказала, что это совсем-совсем секрет.

Прости, Дневничок. Я тебе расскажу, но потом. Сейчас мне нужно готовиться к балу. Я буду в платье маленького лесного бурундучка.

Пока-пока, целую,

Твоя Долли.

15 февраля

Дневничок! Помнишь, я говорила тебе про Стивена? Пожалуйста, забудь о нем навсегда.

На вчерашнем балу Стивен был в костюме дерева. А я была маленьким бурундучком. Я залезла в его дупло и начала готовиться к зимовке. Но мамочка вытащила меня из дупла и сказала, что я веду себя похотливо. Она увела меня с бала, а я так готовилась – я должна была петь зимнюю колыбельную сонного бурундучка, когда наступит зима. По дороге домой я слышала, как мамочка говорит папочке, что меня нужно срочно отправить к Святой Анне. Ты не знаешь, кто такая эта Анна? Я тоже не знаю, но, наверное, она хорошая – ведь святые не бывают плохими.

А сейчас извини, мне надо поплакать.

С любовью, Долли Б.

20 февраля

Дневничок, это ужасно! Я в отчаянии. После воскресной школы я подошла к преподобному Мэтьюзу и спросила у него на счет Святой Анны – он же священник, а это почти тоже самое, что святой. Мэтьюз рассказал мне, что эта Анна была мамой девы Марии. Получается, что она – бабушка Иисуса? Понятное дело, что женщина она добрая. Только преподобный говорит, что Святая Анна сейчас на небесах. Теперь ты понимаешь, почему я так напугана? Мамочка хочет меня убить! Вчера за ужином она так папе и сказала: «Когда ты уже отве-зешь Долли к Святой Анне? Сделай хоть один правильный поступок в своей жизни, ты, кровавый мясник». Мой папа действительно работает кровавым мясником – из больших коровок он делает такие вкусные котлеты! Но мама не ест котлеты и вообще ничего из мяса, поэтому считает, что быть кровавым мясником очень плохо. Мама часто говорит папе, что он будет гореть в аду, как котлета барбекю, если на угли плеснуть слишком много поджигательной э... поджигалки. Ну ты знаешь, она такая в бутылочках, прозрачная и немного пахнет щекоткой. Если папа послушается и сделает из меня котлету, я отправлюсь не на мангал, а к Святой Анне – это лучше, чем гореть в аду. Но я боюсь, что мне будет больно. Я очень-очень-преочень не люблю, когда мне больно. Что мне делать?

Уже поздно, поэтому спокойной тебе ночи.
А я, наверное, опять не смогу уснуть...
Твоя Долли.

2 марта

Ты помнишь Стива, о котором я просила тебя забыть? Да, я знаю, что на балу он был плохим деревом, но всю прошлую неделю он был очень хорошим в столовой. Каждый день он брал обед не только для себя, но и для меня. Понимаешь, я не очень люблю стоять в очереди, а Стив сам стоял, а я сидела и ждала за столиком. Это так здорово – сидеть и смотреть, как все стоят в очереди, а ты сидишь и смотришь, как все стоят...

Но это не главное! В пятницу за обедом Стив рассказывал, что хочет стать генеральным директором Трансатлантической Нефтяной Компании. А потом спросил, кем собираюсь стать я. Я хотела сказать, что шлюхой, но потом подумала – зачем говорить о мечте, если она никогда не сбудется? Поэтому я сказала ему всю правду, что я скоро стану котлетой и отправлюсь на небеса к Святой Анне.

Ты бы видел, как мои слова расстроили Стивена! Похоже, он действительно принял их близко к сердцу. Мне сразу стало так приятно, что ему небезразлична моя жизнь. Понимаешь? Как если бы я действительно была ему нужна.

Дорогой Дневничок, ты не будешь меня ревновать, если я буду считать Стива своим другом? Я знала, что ты меня поймешь!

Обнимаю тебя,
Твоя верная подруга Долли.

5 марта

Милый Дневничок, пришла пора прощаться. Ты не представляешь, как мне тяжело это говорить, но больше мы не увидимся. Только ты не вешай нос! Видишь? Я же не вешаю. Нет, это не слезы. Просто так. Не обращай внимания, со мной все в порядке, честно.

Сегодня мамочка сказала, что она обо всем договорилась, что завтра я отправлюсь к Святой Анне, которая спасет меня от «всей этой отвратительной мерзости». Папа кивал ее словам, значит, она уговорила его сделать из меня котлету. Боже, как я боюсь спасения! Нет-нет, все в порядке. Мама сказала, чтобы я собрала вещи. Зачем мне вещи там? Наверное, мамочка просто хочет, чтобы я освободила комнату на тот случай, если у них с папочкой будут еще детишки.

Вещи я уже собрала, а теперь мне нужно позвонить Стивену, чтобы попрощаться с ним. Пожалуйста, не ревнуй – он ведь тоже мой друг, почти как ты.

Вспоминай меня иногда.
Навечно твоя Долли Браун.

6 марта

Дневничок, ты не представляешь, какое счастье! Я остаюсь! Ура! Это просто, ну, ты не поверишь!!!

Вчера вечером я позвонила Стиву и рассказала, что завтра (то есть уже сегодня) папа отправит меня на небо. Еще я хотела рассказать Стивену, как дорожу его дружбой и попросить, чтобы он тоже иногда обо мне вспоминал. Но ничего этого я сказать не успела, потому что Стив внезапно сделался очень странным и резким. Он крикнул, чтобы я заперлась в своей комнате и никому не открывала дверь, пока он сам не придет. Конечно, я сказала Стиву, что мамочка его в дом точно не пустит, потому что считает похожим на кобеля, а собакам в доме не место – так считает мама. Поэтому она мне запретила оставить того щеночка со смешными висячими

ушками и хвостиком из стороны в сторону. Всего этого я сказать тоже не успела, потому что Стивен уже бросил трубку.

Потом я сделала все, как сказал Стив. Запереться и ждать – это совсем не сложно, особенно, когда под рукой есть интересная книжка о приключениях и путешествиях! А у меня такая книга как раз была – про капитана Гаттераса. Ты когда-нибудь читал Жюль Верна? Обязательно почитай!

Так вот, пока я сидела и читала, в дверь позвонили. Я сразу догадалась, что это Стивен, но никому не сказала, потому что сидела в своей комнате, а выходить Стив запретил. Я слышала, как мама открыла дверь и что-то очень сердито говорила Стиву. Не знаю, отвечал ли ей Стив, потому что потом в доме стало очень шумно. Такое прямо «БУМ-БАМ!!!», как в комиксах про Динамитного Пса-Подростка. Пару раз мне показалось, что папа тоже кричит что-то сердитое, но шумело правда очень-очень громко, поэтому мне могло показаться.

Когда все стихло, в мою дверь постучал Стив и попросил его впустить. Он был такой раскрасневшийся, вспотевший, с блестящими глазами, очень часто дышал, а руки как будто немного тряслись. Понимаешь, он был такой, как э... настоящий отважный капитан! (Только не вздумай ревновать – тебя я тоже люблю). Стив сказал, что мне теперь не придется никуда ехать, потому что мои мамочка и папочка решили сами отправиться спасаться к Святой Анне. Я очень удивилась, но обрадовалась тоже очень!

Стив сказал, что я могу ложиться спать, а он пока поможет моим родителям собрать вещи и погрузить их в машину. Такой заботливый! Перед уходом Стивен меня... ты не поверишь! Поцеловал!!!

Сегодня за обедом обязательно расскажу Ситвену, что собираюсь стать шлюхой. Представляю, как он обрадуется! Он – генеральный директор, я – шлюха, так вместе, рука в руке, созданные друг для друга, мы пойдем по этой удивительной жизни... Что, скажешь, Долли совсем размялась? Не смейся, пожалуйста! Теперь, когда мои мечты могут осуществиться, я хочу мечтать, мечтать и мечтать!

Самая счастливая в Ньюпорте и во всем мире,
Любящая тебя подруга Долли

Люди, привыкшие мыслить рационально, как правило, поднимают на смех религиозную точку зрения на проблематику существования ада. Действительно, до крайней степени наивно полагать, будто бы во Вселенной имеется всего лишь один ад, и что попасть в него можно исключительно после смерти, да еще и при соблюдении определенных морально-этических условий прижизненного поведения. Смею уверить всех сомневающихся, что и планета Юггот, населенная колониями Ми-Го, и темный мир Н'кай – родина страшнейшего жабоморфа Тзаттогуа, и куча других прекрасных мест в нашей Солнечной системе и за ее пределами любому человеку покажутся натуральным адом. Также неплохо было бы помнить и то, что наша земная обитель занимает первое место в рейтинге наиболее адских измерений, составленном вполне авторитетными сущностями расы Старейшин, вдоволь попутешествовавшими по Вселенной и властвовавшими на Земле до наступления эры человечества. В пользу справедливости версии Старейшин, так неудачно задержавшихся на Земле, говорит и то, что к настоящему моменту они полностью вымерли. Что же касаетсярая, то, увы, за пределами религиозных представлений обнаружить хоть одну локацию, похожую на обетованные небеса, до настоящего момента не удалось ни людям, ни представителям иных – куда более древних, могущественных и даже божественных рас. В свете этого выходит, что стремиться к аду может и не вполне разумно, но гораздо более рационально и оправдано, чем всерьез рассчитывать на попадание в райские чертоги.

Ужас №7: Мортенсита отправляется в ад

Мортенсита раскладывала на столе высохшие трупик стрекоз, осыпавшиеся с плафона лампы. Они подходили одна к другой, как детали пазла, скрывая под собой строчки письма. Но в этом не было никакого толку. Мортенсита успела выучить письмо наизусть.

«Привет, Мор!»

У меня все хорошо. Только скука заедает и тебя не хватает так, что хоть волком вой. Сегодня ночью у нас с ребятами из пятого взвода дружеская драка на ножах. Правда, они об этом еще не знают. Наверное, мы их не станем будить. И так пятый взвод на этой неделе дежурит и за час до общего подъема встает. На прошлой неделе дежурили мы – то еще удовольствие. Мало того, что не высыпаясь, так еще этот чертов капрал Робинс со своими шутками. Встает раньше всех и подкладывает мины в ботинки. Первый раз было смешно, а потом достало. Робинс говорит, что шутка каждый раз новая, потому что он всегда подкладывает свои гадости в разные ботинки, и ни разу не повторился. Долбанный английский юмор. Из-за него Джеку негде было бы спать – взрывом разворотило его койку. К счастью, тем же взрывом Джеку оторвало полступни, так что он удачно устроился на койке в лазарете. Все думали, Робинсу влетит за порчу имущества, но с него как с гуся вода. Командиру он отрапортовал, что подобные игры повышают бдительность и организованность личного состава. Ведь, по его словам, в ботинке могла оказаться не дружеская противопехотная мина, а противотанковая, подложенная вражеским лазутчиком. Последнего лазутчика здесь видели в шестьдесят седьмом. Его голова как охотничий трофей сейчас висит в кабинете полковника. Но у нашего командира, похоже, мозги ссохлись как в той самой голове, раз он похвалил Робинса за инициативность и объявил ему благодарность.

И вот еще что. Никогда не думал, что скажу это, но я больше видеть не могу бифштексы и жареную картошку. Помнишь, как я любил их раньше? Оказывается, у всякой любви есть предел. Бифштекс с картошкой по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям – это дорога в ад, доложу я тебе. Уж лучше жрать сраные рыбные палочки – их дают только по четвергам. Безумно скучаю по твоим блинчикам, так что к моему возвращению закупи побольше муки и меда. Хотя, если не получится с медом, вполне сойдет кленовый сироп.

Я тут написал, что у всякой любви есть предел. Это касается еды, песенок Фрэнки и, может быть, той парочки фильмов, на которые мы ходили раз по десять, но так толком и не посмотрели, сама знаешь почему (тут я тебе хитро подмигиваю). Тебя, крошка, я люблю беспрельдно. Это точно, я проверял. Старина Хикс откуда-то достает журналы с девчонками, говорит, что они помогают парням не так скучать по своим милашкам. Знаешь, я до дыр залистал все журналы, что он мне подsunул, но все равно по тебе чертовски скучаю. Так что тебя, когда вернусь, мне не придется чередовать с гребаными рыбными палочками.

Еще каких-то сорок шесть дней, и мы снова будем вместе. Обнимаю тебя, Морри. Передай привет моему Маленькому Ублюдку, скажи, что я его люблю, и не забудь погладить по капоту и подкачать шины

Джим»

– Ах, Джимми, сорок шесть дней давно превратились в вечность, – сказала Мортенсита, глядя на стрекоз и не видя их. Она не замечала, как радужные крылышки крошатся под ее пальцами. – Служба в армии, говорил ты, не опаснее, чем рождественская распродажа в «Волмарте». Шутил, что если чему суждено тебя убить, то это будет арахисовое масло. Мальчишеская забава, игра в Билли Телля – выстрелом с тридцати шагов оцарапать макушку каски, надетой на голову товарища. Как ты мог не заметить пчелу, залетевшую в каску? Я миллион раз задавала себе этот вопрос. Наверное, эти слова будут выбиты на моем надгробии. Пока этот идиот Хикс сообразил, что к чему и позвал на помощь, было уже поздно. Анафилактический шок. Тебя убила аллергия не на арахисовое масло, а на пчелиный яд. Раньше я ненавидела бутерброды с этим проклятым маслом, но они не летают повсюду, не прячутся в касках и не

убивают, пока ты сам от них не откусишь. Теперь я ненавижу пчел. Во дворе я срезала все розовые кусты, но от этого не легче. Крыльцо перед домом миссис Морган утопает в розах, жужжание этих подлых тварей, вьющихся над ними, достает меня везде, где бы я ни находилась. Все напоминает мне о том, что тебя больше нет. Из-за жалкой никчемной пчелы! По радио передают песню Стинга, в телевизоре реклама чудо-препарата из пчелиного воска, нашу пончиковую покрасили в желтый цвет с черными полосками, а Бэтси поставила на мобильный звонок гадкую песенку пчелы из того отвратительного мультика. Даже в твоём письме был мёд, и твой Маленький Ублюдок – он тоже желтый! Это заговор, все против меня! Даже ты! И тебя я ненавижу! Ненавижу-ненавижу-ненавижу!!! Прости... просто... нет, конечно, люблю. Просто устала, не выспалась, а сейчас снова пора на работу. Знаешь, после того, как перекрасили здание, Джонс хочет и нашу униформу сделать черно-желтой. «Концептуальное единство стиля» – говорит Джонс. Какой стиль, какая концептуальность?! Это гребаная придорожная пончиковая, в которой на официанток глаза поднимают только вконец изголодавшиеся дальнбойщики!

Мортенсита смахнула со стола останки засохших стрекоз и, не дожидаясь пока их мерцающее облачко оседет на пол, вышла из дома. Во дворе, прямо посреди разоренного газона, где когда-то цвели розы, стоял «Шевроле Камаро» шестьдесят девятого года.

– Привет, Ублюдок, – сказала Мортенсита, машинально похлопав машину по капоту, скользнула за руль, завела мотор и надавила на газ так, что из-под колес полетели комья земли.

На светофоре возле «Волмарта» Мортенсита подрезала еле плетущийся «Плимут» миссис Дэллоуэй так, что старуха чуть не подавилась вставной челюстью, а при съезде на Диллидженс-драйв заставила взбодриться и мигом поседеть задремавшего дальнбойщика в «Мак-Траке». К ресторану «Пончики, кофе и кое-что еще» она приехала с пятиминутным опозданием.

– Пятиминутное опоздание, – таким приветствием Мортенситу встретил менеджер ресторана Коттертон Джонс и постучал по циферблату карманных часов, доставшихся ему от деда-ирландца, в точности, как белый кролик из сказки об Алисе.

– И кое-что еще? – передразнивая вывеску пончиковой, буркнула Мортенсита.

– Именно так, кое-что еще, с вашего позволения, юная мисс, – сказал Джонс, будто бы дедовы часы мешали говорить ему простыми словами, вроде «да», «нет» и «хммм». – Не забудьте надеть новую форму. Специально для вас, мисс Рассеянность, я положил ее в ваш шкафчик на то самое место, где лежала старая форма.

– Хммм, – ответила Мортенсита, радуясь, что у нее нет никаких часов. – Мистер Джонс, вы рылись в моем шкафчике?

– Рылся? Кто рылся? Я рылся?! – Джонс оскалился, но оскал вышел трусливым, словно у кролика, пытающегося напугать свою будущую жертву – морковку. – Я слежу за порядком и соблюдением правил! И если вы имеете что-то против, и не собираетесь оказывать содействие в моем стремлении обеспечить слаженную работу...

– ... коллектива, в котором каждый является членом семьи, то вы не намерены закрывать на это глаза, – перебив Джонса, Мортенсита закончила фразу вместо него.

– Именно так, юная мисс, – Джонс вскинул подбородок и ускакал в недра пончиковой норы.

– В семье не без ублюдка, – Мортенсита мрачно подмигнула Маленькому Ублюдку, которого она оставила поперек парковочной разметки.

Помимо расцветки новая форма огорчила Мортенситу еще двумя обстоятельствами – целлофановыми крылышками, пришитыми к спине блузки, и тем, что размер формы подходил ей точь-в-точь, а значит, отбрыкаться от нее хотя бы на денек никак не получится.

– Смотри, Джимми, я одна из них, – сказала Мортенсита, глядя на свое отражение, такое же крылатое, полосатое и удрученное, как она сама. – Вжжж!!! А, блядь, черт! Знаешь, чего мне

не хватает? Жала в заднице. Им бы я проткнула Джонса от мошонки до кроличьих британских резцов в его пасти.

Засунув в карман фартука блокнот, сунув за ухо карандаш и взяв в руку неизменный кофейник на полгаллона, Мортенсита вышла в зал к посетителям. Взглядом исподлобья она обвела столики, и даже самые голодные дальнбойщики, встретившись с ее обсидиановыми глазами, быстренько спрятали носы в воротники своих клетчатых рубашек, для надежности прикрыв их еще и длиннющими козырьками засаленных бейсболок.

– Напугала малышей до хрустящей корочки и радуешься, детка? – прозвучало совсем рядом с левым плечом Мортенситы. Обернувшись с резкостью кобры, Мортенсита увидела парня, сидящего на длинноногом табурете у стойки.

– Это они по вечерам буйные, сон нагуливают, – продолжил парень. – А утром им страшно до усрачки уже от того, сколько еще чесать вперед придется.

Мортенсита видела таких парней и раньше – белая обтягивающая футболка на худощавом торсе, простецкие джинсы, блондинистые волосы, гелем забетонированные в уходящую к загривку волну, зеркальные очки и хищная белизна улыбки, за которую кролики, вроде Джонса, продали бы душу.

– Кофе, пончики, яичница с беконом или кое-что еще? – спросила Мортенсита, сиюсь совладать с правой рукой, которой внезапно вздумалось, что вылить полгаллона кофе на голову наглеца – неплохая идея.

– Кое-что еще, – парень одновременно и одинаково небрежно бросил слова Мортенсите и швырнул комок долларовых купюр на стойку

– Блинчики с кленовым сиропом, сэндвичи с рубленой котлетой и картофельными чипсами... – начала перечислять Мортенсита, постепенно приближая кофейник к голове парня.

– Стоп, – парень остановил Мортенситу и ее руку с кофейником. – Почему бы нам не прокатиться на твоём «Камаро», крошка? Это ведь должно вписываться в ваше фирменное «кое-что еще»?

– Если твою задницу надо куда-то подбросить, телефон и номер такси по вызову там, – Мортенсита мотнула головой в сторону выхода. Парень ее определенно раздражал. Что ему стоило взять пример с пузатых дальнбойщиков, и не трогать ее? По крайней мере, до тех пор, пока остервенелая ярость, направленная против пончиковой и новой дурацкой формы, не сменится повседневной умеренной ненавистью.

– Боюсь, что хочу почувствовать под своей задницей именно Маленького Ублюдка, – ответил парень.

– Маленького Ублюдка... – на секунду Мортенсита оторопела. – Да откуда ты такой взялся?

– Из ада, – парень улыбнулся. – Кстати, тебе привет от Джимми.

– Ты проводишь меня к нему? В... ад? – Мортенсита не слышала, что сама говорит. В ее глазах потемнело. Кофейник выпал из ослабшей руки и, коснувшись кафельного пола, разлетелся вдребезги.

– Ай, сука! – крикнул парень, когда горячие брызги долетели до его коленей. Но этого Мортенсита уже не слышала, своим молчанием она приняла приглашение в ад. Парень подхватил бесчувственное тело девушки и быстро вытащил его на парковку. В кармане фартука Мортенситы не было ключа от Маленького Ублюдка, зато был ключ от шкафчика, в котором она на время смены запирала все свои вещи. Через десять минут, перевернув шкафчик Мортенситы вверх дном, отпихнув возникшего на пути Коттертона Джонса, онемевшего от такого хамства, молодой человек из ада вновь появился на стоянке. В его руке сверкал нужный ключ.

Мортенсита пришла в себя на пассажирском сиденье Камаро. За рулем сидел все тот же белозубый демон в зеркальных очках. Порывы встречного ветра пытались разметать его прическу, но безрезультатно.

– Мы едем в ад? – первым делом спросила Мортенсита.

– А то нет, Морри, – хохотнул адский попутчик.

– Слава богу, – выдохнула Мортенсита.

– Начинай раздеваться, крошка. В Преисподней в это время года жуть как жарко, – очки парня вспыхнули в лучах яркого утреннего солнца.

– Нам долго ехать? – Мортенсита расстегнула верхнюю пуговицу ненавистной блузки.

– Выберемся из города, и, считай, на месте. О, да! – блузка, передник и юбка вылетели в окно и повисли на придорожных кустах, как огромные усталые пчелы. Туфли несколько раз подпрыгнули на асфальте и скатились в кювет по гравию обочины.

Сидя в нижнем белье на пассажирском сиденье машины, направляющейся прямо в ад, Мортенсита улыбалась. Пожалуй, впервые после того дня, когда узнала, что Джим не вернется, она чувствовала себя счастливой. Мортенсита до предела отодвинула свое кресло, опустила стекло, закинула босые ноги на торпеду, подставила лицо влетающему в окно ветру и зажмурилась. Ей казалось, что она парит, словно орел над бездной.

– «Камаро» Эйч Ди 1 4004, прижмитесь к обочине! – усиленный громкоговорителем голос и вой полицейской сирены разбили вдребезги блаженство Мортенситы.

– Черта с два! – сквозь зубы прорычал парень и вдавил в пол педаль Маленького Ублюдка. Стрелка спидометра послушно уползла за отметку 140 миль.

– Остановитесь! Повторяю, остановитесь! – где-то далеко позади рывкал громкоговоритель.

– Следующая остановка ад, – глядя на стремительно несущуюся под колеса ленту дороги, усмехнулся парень. – Морри, кинь им на прощанье свои трусики. Пусть они вспоминают о тебе только хорошее.

Мортенсита пожала плечами, сняла с себя остатки одежды и выбросила их в окно, за которым одноэтажные домики с ухоженными газонами успели смениться бескрайним морем колышущейся кукурузы.

– Проскочим переезд на Вестерн Крик Роуд, а там до адских врат рукой подать, – сообщил попутчик, разглядывая обнаженную грудь Мортенситы, отражение которой она сама разглядывала в стеклах его очков.

Однако при подъезде к Вестерн Крик Роуд стало понятно, что просто так проскочить переезд не удастся – дорогу перегородили три полицейских машины, за капотами которых, ошестинившись стволами винтовок, пряталась дюжина копов.

– Черт! – парень скрипнул зубами и, не отпуская педаль газа, рывком бросил Маленького Ублюдка на крутой откос обочины. Грянул выстрел. Пуля разорвала заднее колесо и машина, кувыряясь, полетела в кукурузное море. Мортенсите показалось, что зеленые волны сомкнулись над ней, все вокруг погрузилось в сумрак.

– Где он?! – крикнула Мортенсита, открыв глаза, и тут же задохнулась от раздражающей боли в легких.

– Все в порядке, милая, ты в карете скорой помощи, – седой сержант Гудвил осторожно положил ладонь на плечо девушки. Ее изломанное тело, до подбородка укрытое простыней, было крепко зафиксировано ремнями на медицинской каталке. – Извини, что мы стреляли. Понимаешь, ему нельзя было дать уйти.

– Где он? – повторила Мортенсита.

– Этот чертов сукин сын выбрался из машины, хотел сбежать через поле. Но мы с Уайтом быстро перерезали ему путь. Эта сволочь отстреливалась – ранил Уйта в колено, прежде чем я снес ему голову... – сказал Гудвил. – Так что не беспокойся, теперь этот гад в аду.

– Нет!!! Пидорасы! Мудаки! Суки! – взревела Мортенсита, не обращая внимания на боль, и взвилась так, что ремни врезались в ее грудь и бедра.

– Ты бредишь, милая, это... это... – сержант Гудвил покраснел.

– Хуесосы! Давалки! Гондоны! – не унималась Мортенсита.

– Прекрати! – не выдержал Гудвил. – Если кто и гондон, то этот хмырь, которого я отправил на тот свет. На его счету семь мертвых девушек в четырех штатах. Вообще, не понимаю, о чем ты думала, садясь с ним в машину. Сказала бы лучше спасибо. Если бы нас не предупредил твой менеджер Джонс, которому показалось подозрительным...

– Спасибо?! – Мортенсита разразилась хохотом, от которого кровь Гудвила застыла в жилах. – Ебаный кролик Джонс! Мистер охуительная проницательность! Как будто я сама не узнала старину Хикса, армейского дружка Джимми! Думаешь, Джимми не присылал мне фотографии своего взвода? О, он мне рассказывал о Хиксе, который в увольнении любит наведываться к девушкам своих сослуживцев. Шутит, что хэппи эндом эти встречи заканчиваются для Хикса, но никак не для красоток... Прямо как сейчас со мной. Хикс отправился в хороший ад, а я осталась в плохом – поджариваться на медленном огне все в том же дерьме. Вы ведь уже сняли с кустов мою новенькую форму, а Коттертон оформил мне отгул за свой счет?

Самая удивительная вещь в письменных посланиях заключается в их способности превращать мысленные формы в материальные, а точнее – доказывать реальность того, что казалось всего лишь выдумкой. Однажды я отправил письмо Герберту Уэсту в город Аркем, который считал вымышленным хотя бы ввиду отсутствия такового на карте. Каково же было мое удивление, когда через две неполные недели мне пришел ответ из Аркема, штат Массачусетс – это подтверждал почтовый штемпель на конверте. Так же произошло и с Ктулху, послание которому я отправил в Р'льех. Ни через две недели, ни через месяц, ни даже через год ответа не последовало, из чего я сделал логичный вывод, что город Р'льех затонул, а сам Ктулху спит в своем доме мертвым сном, ожидая наиболее удачного момента для пробуждения и триумфального возвращения. Впредь я много раз прибегал к помощи писем и почтовой службы, благодаря чему почерпнул потрясающие сведения об устройстве галактик и всего межгалактического пространства, включая самые темные уголки. К своей будущей жене Соне Грин я также впервые обратился в письме до нашего как очного, так и заочного знакомства. Впрочем, не уверен, что эта письменная «наживка» была заброшена мною не напрасно. Возможно, Сонию мне стоило оставить в качестве холостяцкой фантазии и не обнаруживать нашего с ней существования в одной и той же Вселенной.

Ужас №8: Письмо из Торопца

В редакцию от Галины и Петра Жемтузятных из города Торопца пришло письмо, текст которого привожу ниже.

«Дорогая редакция, здравствуйте!

Меня зовут Галина. Я и мой муж, Петр Жемтузятный, вот уже семнадцать лет читаем ваш журнал и все никак не можем начитаться, поэтому помногу раз перечитываем каждый номер в ожидании свежего. Петр просит написать, что в туалете у нас стопка ваших журналов высотой 53 сантиметра, чтобы было удобнее перечитывать и вообще он гордится этой стопкой, а что не кулинарные книги, Донцова или какой-нибудь Дон Кихот. Но я лучше не буду вам этого писать, потому что считаю неприлично про туалет, а лучше напишу про кухню, где у нас на подоконнике стопка пусть всего 9 сантиметров, но там мои самые любимые, что даже телевизор иногда на кухне не включаю. А Петр иногда приходит на кухню и телевизор включает, так я ему сразу что-нибудь из вашего прямо под нос разворотом, и он тоже хоть одним глазком, но читает.

Ваш журнал доставляет нам массу колоссальных эмоций и удовольствия, но Петр каждый раз после свежего номера расстраивается и много пьет. Ну, как много, так, то есть, вот сосед наш Борис Михайлович Кропотов, тот много пьет, а Петр только когда расстраивается,

но поменьше. Петр попросил меня написать, что он так расстраивается, потому что у него в прошлом году брат Николай под борону попал, но я врать не стану. Петр огорчается, что вы все никак ничего не пишете о нашем славном городе Торопце и о фамилии Жемтузятные, которой Петр очень гордится и всегда с собой не только паспорт носит, а еще свидетельство о рождении, чтобы все знали, что он с рождения Жемтузятный. И вообще брат Петра Николай не под борону попал, а под трактор. Когда Петр иногда перечитывает ваши журналы, то он снова расстраивается и может даже словцо какое-нибудь завернуть, потому что думает, что может у вас уже что-то было про Торопец и Жемтузятных, а он просто это пропустил или случайно не заметил, а потом снова не нашел. Я же вижу, как он переживает, поэтому решила вам написать, хотя Петр меня отговаривал. Говорит, они там, то есть вы, и читать не станете. Напиши, говорит, в письме хоть «желтый сарафанчик», хоть слово, которое я вам писать не стану, дескать, все одно и все едино. Но по глазам-то я вижу, что загорелся он, тоже надеется, что вы письмо все-таки прочитаете. Петр просит написать, что сосед наш Борис Михайлович Кропотов вчера получил грамоту почетного торопчанина и квартиру в новостройке, которую еще годика два и построят. Вот такой у меня Петя скромный, но очень добрый и за всех всегда горой и радуется, а про себя скромничает. Но про Бориса Михайловича я вам хвастать не стану, потому что он в милиции начальником работает, а когда сын нашего мэра напился и на машине тетю Нюру сбил и у Фанальшиных ограду снес и трех куриц задавил и поросенка, то он с ним ничего не сделал и даже не арестовал.

Пока Петр уснул и спит, он очень устает на работе, а сегодня еще расстроился из-за того, что у нас в доме крыша протекла, после того как на нее дерево во время пятничной грозы упало, и завалинка слева от крыльца треснула, и соль закончилась, а в магазине Лариска учет проводит, и пришлось у соседа Бориса Михайловича соли просить, а Петя в долг вообще на дух не переносит просить, тем более что к Борису Михайловичу как зайдешь, так снова пить – за уши не оттащишь, и пока Петя не видит, я вам вот все как есть напишу. Пожалуйста, очень вас прошу, напишите в следующем или последующем номере про наш славный город Торопец, а еще лучше про удивительную фамилию Жемтузятных! Я ведь не за себя, за Петю прошу, язва у него, ему нельзя так расстраиваться, а правая рука у него еще в девяносто восьмом отказывать начала, так он и с одной рукой в литейном цеху за двоих справляется так, что ему руководство благодарность объявило.

Чтобы вам было проще написать, я расскажу о нашем городе, который мы все очень любим, даже те, кто в Тверь перебрался. Наш город очень красивый и большой, хотя и не очень крупный, зато уютный и очень зеленый, особенно летом. Он стоит на реке Торопе, которую по одной легенде так называли варяги, плывущие с севера, по имени своего языческого бога Тора, а по другой, плывущие с юга евреи, а город у нас исконно христианский, поэтому Торопец, то есть, кто к нам с чем недобрым, то несдобровать тому. Поэтому у нас два храма, шестнадцать церквей, а земля Торопецкая родила великого композитора Модеста Петровича Мусоргского, первого русского укротителя Гладильщикова Николая Павловича, в смысле тигров и львов и медведей, ну, цирковых, то есть, и много еще кого, только я так разволновалась сейчас, что не помню, а Петр во сне сейчас разговаривает, но кажется что ругается, потому что у него голос громкий.

Про Жемтузятных обязательно напишите, это совершенно необыкновенные люди. Петин дед Нил Маркович мухи в жизни не обидел, хоть и жили тогда все бедно. Ну, не все конечно, но тяжелые времена были. Это сейчас у нас и больница на 115 коек, и поликлиника имеется со школой спортивной для детишек, а тогда о таком и мечтать никто не мог. Отец у Пети, Федор Нилович, на фронте воевал, всю войну от корки до корки, контузию получил и медаль и еще орден. А как мирное время началось, он на поляне возле речки большой дуб спилил и пень выкорчевал, чтобы мальчишкам удобно в футбол играть было, а то дуб посередине им мешал. Петр мой тоже человек замечательный, когда не расстраивается, а в детстве он в авиамодель-

ном кружке занимался и как он самолетик запускает его даже по телевизору показывали, он так говорит. И сейчас мы с ним душа в душу уже сорок лет как одна копеечка, а дочка наша Марья Петровна врачом детским стала и мы гордимся ею очень сильно, особенно Петя, что она как замуж вышла, так фамилию Жемтузятная оставила, а то была бы по мужу Кочкиной. Муж у Маши хороший, его тоже зовут Петром. Вот ведь какая жизнь все-таки удивительная штука, что у Маши всех главных мужчин в жизни Петрами зовут, у нее и в школе директор Петр Давыдович был, а почту нам тогда почтальон Петр Звягинцев приносил! Машин Петр водителем в такси работает, поэтому пьет мало и Машу нашу очень любит и заботится о ней так, что она к нему в Тверь перебралась, а к нам теперь на праздники иногда с внучонком Никиткой приезжают. Мой Петя очень расстраивается, что Машин Петр не захотел себе фамилию Жемтузятный брать. Петя ему говорил, мол, что такое это твое «Петр Кочкин», вот «Петр Жемтузятный» – другое дело, звучит! Говорил, мол, ты о сыне подумай, что такое это его «Никита Кочкин», вот «Никита Жемтузятный» – совсем другое дело, играет-то как фамилия, как искрится! Но Машин Петя ни в какую, говорит, его отец, Василий Константинович Кочкин, такого поворота не поймет, а мы все Василия Константиновича тоже очень уважаем, он всю войну от корки до корки, а как мирное время началось на завод токарем устроился, и сын у него хороший, Маше с ним повезло.

Я еще много всего интересного могу вам рассказать про город наш, про род Жемтузятных, но Петя во сне так кричит, что мне кажется вот-вот проснется, поэтому лучше приезжайте к нам в гости, мы вам будем рады все показать своими глазами, да и народ торопецкий гостеприимный, хлеб-соль да чарочку дорогим гостям всегда, хоть и живем не богато, зато больница на 115 постоянных коек есть, да еще 18 для дневного стационара. Милости просим!

А если у вас пока не получится написать большую статью, то можно маленькую. Мы же ведь тоже все понимаем, разные же ситуации в жизни бывают, ведь жизнь штука такая, поэтому, если с маленькой тоже не сложится, то жизнь-то не завтра кончается, верно? Мне врачи еще минимум полгода обещают, а я так и за годик поборюсь, а то и второй прихвачу! Так вот, если со статьей или заметочкой не получится, опубликуйте, пожалуйста, это объявление:

«Продается дом, 30 кв.м, по адресу Тверская область, город Торопец, ул. Комсомольская, д.55. Обращаться к Петру Федоровичу Жемтузятному».

Авось, Петя крышу и завалинку починит, а где жить будем, если дом продается, разберемся, мир не без добрых людей, так может и Маша приютит, хотя в Тверь из Торопца нам не хотелось бы, старые мы уже. Вы главное обязательно объявление опубликуйте, если со статьей или заметкой не получится. Петя очень радоваться будет до самого счастья, что про него в журнале вашем написали. Купон на размещение бесплатного объявления прилагаю.

Спасибо! Здоровья и счастья вам!

Искренне ваши Галина и Петр Жемтузятные»

Бытует мнение, будто бы пользуясь в течение длительного времени одними и теми же предметами человек утрачивает способность трезво их оценивать, и вместо этого надевает неодушевленные вещи некими личностными качествами. Например, со старым креслом, в котором были просижены не одни штаны, выпит не один галлон виски, выкурена не одна трубка, прочитана не одна книга и просмотрен не один сон, человек может даже вести беседы, как с давнишним приятелем. И уж конечно, этот человек ни за что не согласится заменить кресло новым, сколько бы трухи и личинок древоточца ни сыпалось из старого. Причины такого поведения можно искать в людском слабоумии или сентиментальности, что суть одно и то же, однако есть и более существенный аспект. На протяжении всей своей жизни человек в непрерывном режиме, сам того не замечая, насыщает пространство вокруг себя своими волосками, чешуйками отмершей кожи, потом, слюной, разбрызгиваемой при чихании, и другими выделениями. В каждой микроскопической частичке, отделившейся от чело-

века, содержатся молекулы с кодом, в котором зашифрована во всей полноте исчерпывающая биологическая информация об этом человеке. Вполне естественно, что в обивке старого любимого кресла, в его подлокотниках, лак с которых давно облез, частички хозяина присутствуют в таком избыточном количестве, что кресло даже на запах может быть неотличимо от своего владельца. В результате, на основании информации, предоставляемой органами обоняния и другими природными детекторами, человек может начать подсознательно отождествлять себя с креслом и считать его полноправным продолжением собственного тела. Связь, возникающая между предметом и его обладателем, весьма крепка – не стоит считать ее суеверием. Так, один испанский алхимик по каким-то причинам решил оформить труд своих изысканий в виде книги, для изготовления переплета и страниц которой он использовал собственную кожу, а вместо чернил применял свою кровь. Работа заняла более пятидесяти лет, но вскоре после ее окончания книга попала в руки сарацин, совершавших очередной набег на Испанию. Манускрипт показался сарацинам подозрительным, и они решили, что лучшее всего будет предать его огню. Любопытнее всего, что алхимик умер ровно в тот момент, когда пламя охватило книгу, созданную им из самого себя. Его обезглавили сарацины... Чтобы избежать проблем и не получить физический урон при уничтожении вещи, с которой у вас имеется тесная связь, почаще стирайте одежду и белье, выбивайте пыль из мебельной обивки, а мелкие бытовые предметы, вроде кошельков, расчесок и галстуков меняйте раз в месяц либо вовсе откажитесь от их использования.

Ужас №9: Кошелек

То, что пару недель назад, собираясь с утра на работу, я не обнаружил своего кошелька, меня огорчило, но не удивило. Накануне, изрядно погуляв на праздновании юбилея зарабатывающей на мне фирмы, домой я добирался черт знает как. У меня много вредных привычек, и одна из них, даже упоровшись в мясо на какой-нибудь вечеринке, в обязательном порядке догоняться пивом по пути восвояси. Расплатившись за бутылочку, я легко мог положить кошелек мимо кармана – судя по утреннему самочувствию, вечернее состояние способствовало таким широким жестам.

Кошелек у меня был дешевый, из синтетической ткани, внутри – немного наличности, пара пластиковых карточек с виртуальными деньгами и мелкий бумажный хлам, вроде счастливых автобусных билетиков, чужих и своих визиток и просроченных скидочных купонов. За виртуальные деньги можно было не беспокоиться – попытайся кто-нибудь материализовать их в свою пользу, мне пришлось бы смс-уведомление. Поэтому в банковские офисы с просьбой заблокировать счета я позвонил без спешки и паники. Историю с потерянным кошельком можно было бы считать поучительной, но я прекрасно знаю себя – ничего-то меня не учит. Возможно, даже потеряв голову, я просто пожму плечами и продолжу жить дальше, как ни в чем не бывало.

В тот же день я купил себе новый кошелек, такую же тряпичную дешевку, и думать забыл о его предшественнике. Вспомнить о потере через несколько дней заставил телефонный звонок с неизвестного номера.

– Глеб? Здравствуйте, меня зовут Таня. Вы случайно не теряли кошелек? – спросил девичий голос и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Я нашла кошелек, денег в нем не было, но лежали визитки и карточки с вашим именем, вот я и подумала, что он вам принадлежит.

– Здравствуйте, Таня. Благодарю за беспокойство, – ответил я. – Да, это, скорее всего, мой кошелек, но я себе уже купил другой, карточки заблокировал и заказал новые, а визиток у меня и так слишком много – ума не приложу, кому их раздавать. Так что можете со спокойной совестью выбросить эту мою собственность. Еще раз спасибо за звонок, всего доброго.

– Вы уверены? Давайте я все-таки вам его верну, а дальше вы сами решите, что с ним делать. Мне не нужно никакого вознаграждения. Просто не в моих правилах распоряжаться вещами, которые мне не принадлежат, – затараторила Таня.

– Спасибо, Таня. Я совершенно уверен. Объявляю вас новым официальным владельцем кошелька – теперь, надеюсь, избавиться от него для вас не составит труда. Желаю вам удачного дня и приятного вечера, до свидания, – сказав это, я нажал кнопку прекращения связи.

Примерно через час раздался еще один звонок с того же номера.

– Тут еще куча киношных билетов, – без предисловия выпалила Таня. – Вам ведь наверняка хочется их вернуть, да? Это ведь не просто бумажки, раз вы их не выбросили сразу. Они что-то значат для вас, вам приятно вспоминать фильмы, которые вы смотрели. Может быть, тех людей, вместе с которыми ходили в кино...

– Таня, – я перебил девушку. – Это действительно просто бумажки. Все, что мне приятно вспоминать, я пока что способен вспомнить и без помощи мусора.

– А как же автобусные талончики? – не унималась Таня. – Вы же сохранили их, потому что у них счастливые номера! Неужели вы так легко откажетесь от своего счастья?

– Представьте себе, я отказываюсь от талончиков, – в собственном голосе я услышал нотки раздраженности. – Если в них вам видится какое-то счастье, можете им пользоваться, я не возражаю.

– Погодите, но тут еще резинка для волос, металлическая пуговица, монетка с иероглифами, презерватив и...

– Да-да, настоящие сокровища. Таня, пожалуйста, смирись с тем, что мне это все не нужно, как я смирился с утратой кошелька. Благодарю за понимание! – эти слова я не сказал, а выкрикнул, после чего прекратил разговор.

Вечером, когда я отдыхал в компании телевизора и полудюжины банок пива, Таня снова атаковала меня.

– Скажите, Глеб, где вы носили кошелек, прежде чем утратили к нему интерес? – спросила девушка.

– Во внутреннем кармане куртки, – честно ответил я.

– С левой или с правой стороны?

– С левой, – в том, что у Тани не все в порядке с головой, я уже не сомневался, но при этом не видел повода врать.

– И долго вы его там носили?

– Уф, кажется, с марта, когда у меня предыдущий кошелек стянули. А что? – без тени любопытства спросил я.

– Вы девять месяцев носили его под сердцем, а теперь отрекаетесь от него! – с мрачной торжественностью произнесла Таня. – Вы ужасный человек, Глеб. Подлый предатель.

– Пусть будет так, – настроения спорить с сумасшедшей у меня не было.

– Но вы еще горько пожалеете, вы раскаетесь, но будет поздно! Когда сами окажетесь в одиночестве, всеми брошенным и никому не нужным! Вы будете кусать локти от осознания мучительной невозможности вернуть то время, когда у вас еще был шанс, молить о прощении, но Вселенная окажется глуха к вашим мольбам! – Таня буквально захлебывалась словами.

– Спокойной ночи, – я выключил телефон. Похоже, это Таню все бросили, и теперь она пытается покусать за локти меня.

Несколько дней вестей от бесноватой девушки не было. Я уже начал забывать о Тане, когда на экране мобильного опять высветился ее номер.

– Здравствуйте, Глеб. Я звоню, чтобы извиниться, – Таня говорила тихо и вкрадчиво. – Простите, я наговорила вам гадостей.

– Ничего страшного, мне и не такое говорили.

– Может быть, я могу как-то загладить свою вину? Хотите, сходим вместе в кино или в любой ресторан на ваш вкус? – хоть и негромкий, голос девушки звучал вполне уверенно.

– Большое вам спасибо за предложение, Таня, но я не думаю, что это хорошая мысль, – без всяких сомнений ответил я. У меня уже был опыт общения с невменяемыми девицами – будь они хоть королевами красоты и богинями страсти, в результате общение с ними оборачивается далеко не самыми приятными приключениями.

– Вы сейчас на работе? – как будто не услышав моей ответ, спросила Таня.

– Да, но...

– Жду вас в холле на первом этаже, – прежде, чем я успел произнести еще хоть слово, в трубке зазвучали короткие гудки.

Вот так сюрприз. Понятно, что адрес моего офиса Таня прочитала на визитной карточке. Мало шансов проскочить мимо нее неузнанным – зная мое имя, фамилию и название фирмы, где я работаю, она наверняка нашла мою страницу в «фейсбуке» и теперь осведомлена о том, как я выгляжу. Значит, после работы придется встретиться с ней лицом к лицу. Не из окна же, в самом деле, прыгать.

Чем меньше времени оставалось до окончания рабочего дня, тем сильнее я нервничал. В голову лезли недобрые мысли о том, что психованная девушка может, совершенно не стесняясь охранников, стоящих в холле, пырнуть меня ножом, облить кислотой, вколоть шприц с ядом или выстрелить. Ей-то что, по ней и так клиника плачет, и такой фокус только ускорит начало ее лечения, пусть и принудительного. Что делать? Позвонить в полицию и сказать, что некая девушка Таня яростно пытается вернуть мне мой же кошелек? Или лучше все-таки покинуть офис через окно? В конце концов, просидев на рабочем месте лишние полчаса и так и не придумав никакого достойного плана, я отправился навстречу своей судьбе.

Вечер пятницы. За те лишние полчаса, которые я потратил на трусоватые размышления, все коллеги успели разбежаться, и в холле было пустынно, лишь по ту сторону вертушки турникета возле выхода одиноко стояла девушка. Небольшой рост, прямые черные волосы, бледное лицо, пальто мышиного цвета, руки в карманах, взгляд больших темных глаз направлен прямо на меня. Я понял, что девушка меня узнала – уголки тонких губ приподнялись в полуулыбке, показавшейся мне если и не дьявольской, то чрезвычайно зловещей. Черт, да меня от вида Тани моментально прошиб холодный пот, а в горле пересохло. Стараясь скрыть волнение, я на негнущихся ногах подошел к турникету, машинально приложил пропуск к считывателю, еще три шага – и оказался менее чем в метре от Тани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.